

Годъ изданія II-й.

Августъ 1917 г.

Цѣна отдѣльнаго номера 40 к.

СЛОВО ИСТИНЫ

Двухнедѣльный журналъ баптистовъ, посвященный обновленію жизни
на Евангельскихъ основахъ.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

МОСКВА, Покровка, Дегтярный. пер. 8, кв. 143.

Телефонъ 4-44-72.

Пріемъ въ редакціи ежедневно отъ 11 до 2 ч.

№ 7.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ 1 мая до конца года . . . 6 р.

За 4 мѣсяца . . . 3 р.

За границу вдвое

Перемена адреса . . . 30 к.

Объявленія по соглашенію.

СОДЕРЖАНІЕ:

Къ подписчикамъ.—Междоусобица.—А. Ренилдовъ: Спасеніе Россіи.—Пилиримъ: Кто вы.—Е. Офрова: Стихотвореніе.—Тимо: Пустосвятство.—П. Николаевъ: Стихотвореніе.—М. Тимошенко: Въ Нарымскій край.—И. В. Каргель: Грѣхъ, какъ зло всѣхъ золъ въ этомъ мірѣ.—По Россіи: Россія—Республика.—Л. Розенбергъ: Къ братьямъ евреямъ евангелистамъ.—Почтовый ящикъ.

Къ подписчикамъ.

Съ выходомъ № 8 „Слова Истины“ истекаетъ срокъ подписки не внесшихъ полного взноса за журналъ. Во избѣжаніе перерыва въ посылкѣ журнала контора покорнѣйше проситъ всѣхъ должниковъ озаботиться высылкой слѣдующаго взноса.

При всякаго рода обращеніяхъ въ Редакцію „Сл. Ист.“ просятъ обязательно указывать свой адресъ и номеръ подписки.—Для отвѣта просимъ прилагать марки. Въ виду повышенія почтоваго тарифа за закрытое письмо взимается плата 15 коп., открытки—5 коп.

Междоусобица.

У колыбели молодой русской свободы въ послѣднее время столпилось столько враговъ, что ихъ ни числомъ не исчислить, ни мѣрой не измѣрить.

Главный врагъ свободы: кромѣшная тьма народа, захлебнувшаяся въ тинѣ суевѣрія и невѣжества

—это съ одной стороны, а съ другой—безразличное, равнодушное отношеніе къ такому состоянію народа тѣхъ, которые, казалось бы, призваны къ служенію этому народу.

Вокругъ этой вѣковой тьмы и политическаго невѣжества народа, какъ воронье, кружится стая всякихъ проходивцевъ, какъ справа, такъ и слѣва, которые стремятся достигнуть личныхъ или групповыхъ выгодъ, господства и славы.

Можно себѣ представить, что творится въ головахъ малосознательныхъ слоевъ народа, который не успѣваетъ разобраться во всемъ множествѣ событий и встрясокъ, которыми такъ богаты мы за послѣднее время.

Страна наша все еще стоитъ передъ пропастью. И тучи братоубійства еще не расѣялись надъ нами.

Послѣднимъ сильнымъ потрясеніемъ было возстаніе противъ Времен. Правительства, организованное верховнымъ главнокомандующимъ ген. Корниловымъ.

Опираясь на нѣкоторыхъ генераловъ и подчиненныхъ ему войска, ген. Корниловъ потребовалъ отъ Правительства, чтобы оно передало всю полноту власти въ его руки.

Получивъ отъ министра-предсѣдателя Керенскаго приказъ немедленно удалиться съ поста главнокомандующаго, Корниловъ не только не исполнилъ этого повелѣнія, но двинулъ подчиненные ему полки на Петроградъ, чтобы свергнуть Временное Правительство.

Нѣсколько дней страна переживала сильное напряженіе; всѣ ждали кровопролитія. Но, послѣ долгихъ переговоровъ, дѣло приняло, сравнительно, благоприятный оборотъ. Можно ожидать, что жизнь войдетъ въ нормальное русло, и мы когда нибудь да дождемся же мирныхъ дней для использованія свободы для общаго блага народа.

Генераль Корниловъ теперь арестованъ, заключены подъ стражу и многіе изъ его единомышленниковъ, и всѣмъ имъ должно предстать предъ судомъ, который и освѣтитъ сущность этого мятежа.

Спасение Россіи.

Объ этомъ теперь говорятъ положительно всѣ: старъ и младъ, лѣвые и правые, рабочіе и промышленники, крестьяне и дворяне. Даже новое Временное Правительство называется: Правительствомъ Спасенія. Словомъ, всѣ сходятся въ томъ, что Россію необходимо спасти. Но какъ это сдѣлать? Въ чемъ или въ комъ спасеніе Россіи? Вотъ вопросы, на которые приходится слышать столько же отвѣтовъ, сколько есть партій и классовъ въ странѣ. Путей у всѣхъ много, но спасенія все же нѣтъ. Почему? Потому что забыто главное: Путь, Истина и Жизнь. Забытъ Тотъ, Который давно указалъ путь спасенія. Съ этого пути Россія сошла давно и двигалась по наклонной плоскости, такъ сказать, религіозно-нравственнаго дезертирства. Она бѣжала отъ Евангелія, измѣнила Христу, отдавъ предпочтеніе первосвященникамъ и фарисеямъ, которые въ союзъ съ Пилатомъ, распинали въ ней духъ Христовъ, духъ единства, братства, правды, любви и милосердія.

И то, что мы теперь видимъ и переживаемъ, является лишь внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго процесса разложенія народной души, вѣками жившей во тьмѣ и невѣденіи относительно самаго главнаго и важнаго въ жизни каждаго человѣка и народа. Богъ и Христосъ были затемнены въ ея духовномъ взорѣ китайской стѣнной церковныхъ формальностей и обрядовъ. Изъ-за деревьевъ лѣса не видно было. Иконы замѣнили настоящій, свѣтлый образъ Спасителя, пышныя церемоніи—настоящее богослуженіе, а молитвословы—подлинное, неподдѣльное слово Евангельское. Приходится ли удивляться послѣ этого, что зданіе народной души, построенное на пескѣ, даетъ трещины, да, почти рушится подъ напоромъ историческихъ бурь и политическихъ дождей? Невольно напрашиваются при этомъ слова Апостола Павла: „Не обманывайтесь, Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посеетъ человѣкъ, то и пожнетъ“. Вѣками сѣяли отъ плоти и теперь приходится пожинать плотскіе плоды. Въ религіозно-нравственномъ отношеніи Россія давно уже представляла, выражаясь словами Евангелія, выкрашенную могилу, внутри которой царилъ духовная смерть. Существовало стадо, но не Христово; были пастыри, но не Христовы. Главное, отсутствовалъ въ русской церкви и жизни Пастырь Добрый, Котораго овцы должны знать. (Іоан. 10, 14).

Такъ было при старомъ режимѣ самодержавно-православной Россіи. Измѣнилось-ли дѣло при новомъ режимѣ демократически-свободной Россіи? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Наоборотъ, положеніе еще ухудшилось. Если раньше была хоть видимая религіозность и набожность въ Россіи, то теперь ихъ загнали въ уголъ или стараются совсѣмъ изгнать изъ обихода русской жизни. И сказала во всей своей силѣ и наготѣ нищета духовная опустошенной народной души. Образовалась пустота, пропасть, въ которую имѣютъ доступъ всякія вредныя теченія и человѣческія ученія. Получилось въ буквальномъ смыслѣ то, что говорилось въ Евангеліи о нечистомъ духѣ, который оставилъ человѣка, но, найдя потомъ пустое мѣсто незанятымъ, возвращается, приводя съ собою еще семь духовъ, злѣйшихъ себя. На мѣстѣ прежней видимой религіозности, теперь появились разныя новые духи, но всѣ они явно отъ лукаваго. Духа Христова нѣтъ въ новой свободной Россіи. Поэтому въ дѣйствительности она

оказалась не новой и не—свободной. Ибо только кто во Христѣ, тотъ новая тварь, и только истина Христова дѣлаетъ людей свободными. Безъ этого—свобода бываетъ хуже рабства. Всѣ теперь чувствуютъ и признаютъ наличность свободного рабства, свободныхъ рабовъ. И всѣ кричатъ и вопіютъ о спасеніи. Но могутъ-ли погибающіе спасти погибающихъ? Могутъ-ли слѣпые вожди вести слѣпыхъ? И тѣ и другіе падаютъ въ яму. Кто же можетъ спасти Россію и вести ее къ великой цѣли? Только Христосъ, Который есть истинный Спаситель міра.

„Безъ меня вы ничего не можете дѣлать“, говоритъ Христосъ. Но Онъ же говоритъ: „Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“. Всѣ, искренно жаждущіе спасенія Россіи, должны понять, что для этого есть только одинъ истинный путь, одно вѣрное средство. Путь этотъ—Христосъ, который можетъ спасти отъ гибели Россію, слабую духомъ и раздраемую злыми бѣсами. Спасеніе Россіи—въ обращеніи къ истинному Спасителю—Христу и Его Евангелію.

А. Регниловъ.

КТО ВЫ.

— Кто вы?—спрашиваютъ людей, которые говорятъ о Богѣ, о Евангеліи, о правдѣ, но не носятъ поповскихъ рясъ.

Спрашиваютъ,—одни съ недоумѣніемъ и опаской, другіе съ скрываемой, или даже откровенной насмѣшкой. Одни въ этихъ людяхъ видятъ разрушителей православія—одного изъ тѣхъ китовъ, на которомъ покоилась Россія павшей власти, и видятъ въ нихъ враговъ, другіе, не разобравши, въ чемъ дѣло, видятъ въ нихъ также враговъ новаго строя. Ибо, кто разсуждаетъ о Богѣ, о Евангеліи, таковой, по установившейся теперь упрощенной классификаціи, долженъ быть приверженцемъ стараго строя. Оправдываются слова Христа: „Всѣми будете ненавидимы за имя Мое“ и слова Ап. Павла: „Всѣ желающіе жить благочестиво во Христѣ Іисусѣ будутъ гонимы“ (2 Тимоф. 3, 12). Гоненіе—удѣлъ всѣхъ тѣхъ, кто не хочетъ идти по теченію, кто хочетъ равняться по Евангелію, а не по самодержавной или партійной указкѣ. Въ дееспотическомъ государствѣ такихъ людей преслѣдуетъ государство подъ давленіемъ клерикальных круговъ, измышляющихъ противъ нихъ обвиненія въ политической неблагонадежности, государственной измѣнѣ (за неимѣніемъ другого матеріала), въ свободномъ—государственная форма гоненія смѣняется нетерпимостью среды.

Насмѣшки, пожиманіе плечами, выразительное указаніе на голову пальцемъ, когда рѣчь идетъ о лицѣ, ставшемъ на путь Евангелія,—такъ относится интеллигентная среда къ тѣмъ, кто дѣлается „вѣрующимъ“. И чѣмъ грубѣе среда, тѣмъ, конечно, грубѣе приемы, которыми выражается отношеніе этой среды къ тому, кто „перемѣнилъ вѣру“, перешелъ въ „штунду“, иначе говоря, позволилъ себѣ роскошь въ вопросахъ вѣры—имѣть собственное убѣжденіе. „Въ какой вѣрѣ родился, въ той нужно и умереть“,—такъ отвѣчаетъ русское простонародье на всѣ запросы религіознаго исканія.

Итакъ, насъ людей, называемыхъ штундой, пашковцами, евангельскими христіанами—баптистами, спрашиваютъ: „Кто вы, какія у васъ стремленія и что вы хотите намъ сказать?“

На первый вопрос съ формальной стороны мы можем отвѣтить нашимъ именемъ: насъ называютъ евангельскими христіанами-баптистами,—первыя два слова названія понятны, а третье требуетъ поясненія: „баптистъ“—слово греческое, означаетъ креститель, и въ Евангеліи, которое первоначально было написано на греческомъ языкѣ, вмѣсто слова креститель, стоитъ—„баптистъ“. Но вопросъ не въ названіи, а въ сути вещей.

Мы—люди Евангелія. Мы—люди, напоминающие прежде всего самимъ себѣ, а потомъ и другимъ то, что, кромѣ тѣла, имѣется и душа, и что, кромѣ заботъ о тѣлѣ, нужно на главномъ мѣстѣ поставить заботу о душѣ. Но, когда начинается разговоръ о душѣ, когда сознательный, политически развитой человѣкъ слышитъ о бесѣдѣ на душе-спасительную тему, то, если у однихъ является улыбка, или ироническія замѣчанія, то у другихъ, которые на своей шкурѣ пережили весь прежній царскій режимъ, воспоминанія о томъ, что религія, церковность, душевспасительныя темы бесѣдъ были орудіемъ у народныхъ угнетателей, отправлявшихъ безъ пересадки въ адъ всѣхъ тѣхъ, кто не въ должной мѣрѣ чтить царскую власть, у нихъ одно упоминаніе объ этихъ бесѣдахъ вызываетъ чувство, и нужно сказать, справедливаго негодованія.

И правы эти люди: мы отъ всей души скорбимъ о томъ, что Евангеліе Христово, Кроткаго, Мило-серднаго Христа, Евангеліе—это небесное окно, откуда намъ долженъ сіять Свѣтъ вѣчной Истины, затемнено разными нагроможденіями—людскими постановленіями, идущими наперекоръ самымъ основнымъ евангельскимъ истинамъ.

И вотъ, нашъ призывъ—не обвиняйте Евангеліе, не приписывайте ему силы орудія, посредствомъ котораго запугиваютъ души человѣческія, чтобы держать ихъ въ повиновеніи въ угоду и по указкѣ темныхъ силъ. Нѣтъ, но такъ какъ мы разрушили старинный порядокъ управленія, мы призываемъ разрушить и всѣ человѣческія нагроможденія вокругъ Евангелія, заслоняющія отъ насъ блескъ его свѣта, смести всѣ преграды, вмѣстѣ съ накопившимися на нихъ цѣлыми столѣтіями толстыми наслоеніями пыли разныхъ предразсудковъ, и тогда въ это настоящее окно мы увидимъ подлинный ликъ Христа-Преобразователя, Который въ силѣ преобразить всю нашу жизнь во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ по начертанному Имъ въ Евангеліи образцу. Таковы наши стремленія.

Итакъ, если мы подходимъ къ человѣку и хотимъ съ нимъ поговорить о его душѣ, то никто не имѣетъ основанія насъ опасаться, ибо мы—не какая-либо духовная каста, преслѣдующая свои корыстные цѣли, но—самъ народъ, мы тѣ „міряне“, которые прочитали и повѣрили тому мѣсту Писанія, гдѣ сказано: „Всѣ вы цари и священники“ и, слѣдовательно, мы не нуждаемся въ томъ, чтобы надъ нами господствовалъ классъ духовенства. Затѣмъ, мы узнали изъ Евангелія слѣдующее мѣсто, гдѣ сказано: „вы—храмъ Божій“ (1 Кор. 3, 16) и другое мѣсто: „Поклоняющіеся Отцу, будутъ поклоняться Ему въ духѣ и истинѣ“,—и намъ стало ясно, что истинные поклонники не могутъ быть для поклоненія прикрѣплены къ мѣсту, или храму, какъ крѣпостные въ былое время къ своимъ землямъ и барамъ.

„Къ свободѣ призваны вы братья“,—гласитъ стихъ 13-ый 5-ой главы къ Галатамъ, и мы хотимъ нести въ міръ свободное, радостное, живое, свѣтлое, очищающее, обновляющее душу Евангеліе—благу вѣсть. Долой формализмъ, долой мертвую

сухость и церковность, свободное христіанство въ свободномъ отнынѣ государствѣ—вотъ нашъ девизъ и стремленіе. Мы всѣхъ зовемъ съ собой, кто раздѣляетъ этотъ лозунгъ.

Напрасны страхи и опасенія многихъ, что Евангеліе антидемократично, что оно убиваетъ политическія идеи народа. Наоборотъ, воспринятія должнымъ образомъ евангельскія истины углубляютъ и расширяютъ демократическіе принципы. Во время земной жизни Христа, Онъ былъ центромъ и властителемъ думъ народныхъ массъ, которыя видѣли въ немъ живой протестъ противъ властолюбія іудейскаго священства и тираніи Римской монархіи.

Но мы расцѣниваемъ Христа не какъ политическаго дѣятеля, но какъ Сына Божьяго, и въ Евангеліе вѣримъ не какъ въ сухое руководство и сводъ правилъ жизни, но какъ въ Живую Силу.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на второй вопросъ: къ чему мы стремимся, отвѣтимъ и на послѣдній вопросъ: чему мы учимъ?

Марка 16, 15—16 стихи говорятъ, чему долженъ учить всякій, кто вѣритъ въ Евангеліе: „Идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе“ и 1 Коринф. 15, 1 объясняютъ намъ, что такое Евангеліе, что Христосъ умеръ за грѣхи наши по Писанію. Итакъ, читая Евангеліе, мы узнаемъ о грѣхѣ, какъ о находящемся въ мірѣ злѣ, которое окружаетъ насъ и заставляетъ насъ дѣйствовать противъ Бога. И всѣ наши попытки освободиться отъ этого зла, какую форму оно ни имѣло бы, собственными силами—обречены на неудачу. И лишь вѣра въ смерть Христа, какъ искупительную жертву, и въ Христа, какъ постоянного Помощника человѣка въ борьбѣ съ этимъ зломъ, можетъ дать толчекъ къ новымъ стремленіямъ, къ новымъ духовнымъ достиженіямъ, и толчекъ этотъ вызываетъ въ человѣкѣ полный переворотъ во всѣхъ его понятіяхъ и представленіяхъ. Этотъ переворотъ Евангеліе называетъ возрожденіемъ, такимъ актомъ, который долженъ пережить всякій человѣкъ.

Революція въ душѣ, вотъ что теперь необходимо намъ всѣмъ послѣ того, какъ только совершилась государственная революція. Уничтожить старыя взгляды, старыя понятія, свергнуть съ себя самодержавіе грѣха, который парализуетъ всякія наши добрыя, свѣтлыя начинанія, который толкаетъ насъ на разные дурные поступки и часто разрушаетъ нашу личную и даже семейную жизнь.

Внѣ этой революціи нѣтъ и не можетъ быть здоровой, дающей полное удовлетвореніе жизни.

Только Христосъ даетъ жизнь и жизнь съ избыткомъ.

Къ этой жизни мы всѣхъ призываемъ. Кто съ нами,—руку, товарищъ!

Пилигримъ.

* *

Какая сила у тебя,

Святая Кровь,

Что Ты омыла и меня

Отъ всѣхъ грѣховъ.

Другія мысли у меня,

Не тѣ слова,

Снято проклятiе съ меня!

Христу хвала!

Воистину я нова тварь.

Кумиръ разбитъ...

Въ груди моей теперь алтарь

Любви царитъ.

Е. Офрова.

== Пустосвятство. ==

Михаилъ М-скій. Отъ бурсы до снятія сана.

Издание бывшаго М. В. Попова. Петрогр. 159 ст. Ц. 1 р.

IV.

Не забылъ г. М-скій въ своихъ запискахъ мимоходомъ коснуться и высшихъ іерарховъ, князей византійской церкви—епископовъ. Столкнулся онъ съ архіереемъ еще на школьной скамьѣ, когда въ сердцѣ юноши постучала первая мечта о женитьбѣ. Дѣло въ томъ, что архіерей, души не чаявшій въ воспитаницахъ епархіальныхъ училищъ, рекомендовалъ „со властію“ „будущимъ батюшкамъ желательныхъ его преосвященству матушекъ“. Но дипломатичные „отцы“ нашли средство, какъ обойти несговорчиваго владыку. М-скій, по совѣту товарища, пускается на обманъ. Получивъ отказъ жениться на избранной дѣвушкѣ, авторъ отправляется къ нему вторично и опять слышитъ: „На дворянкѣ?.. Нельзя“.—„Ваше преосвященство, вы согласились уже и даже мѣсто дьякона зачислили за мной. Если бы вы не согласились, то не запасли бы мѣста“,—вралъ юнецъ. Епископъ взялъ прошеніе и написалъ: „разрѣшается студенту семинаріи М-му вступить въ бракъ съ дѣвицей С. Ч-ой“. И когда умеръ архіерей, М-скій отмѣчаетъ: „Не жалко: умница былъ, а пользы намъ ни на грошъ. Епархіалкамъ и конфекты, и рояли, а намъ черви въ щажъ, къ намъ ногу не показывалъ, потому что мы—бурсаки, грубые, неотесанные, однимъ своимъ видомъ возмущали его аристократическія чувства. Мнѣ особенно не жалко: съ дороги долой одна изъ преградъ“.

Доведенный до отчаянія подлостями о. Лавра, діаконъ М-скій подаетъ архіерею рапортъ о переводѣ въ другой приходъ. И вдругъ получаетъ отвѣтъ отъ епископа: „Діакону М-му предложить мѣсто священника въ с. Т. О. Тамъ требуется энергичный пастырь для борьбы съ сектантствомъ. Съ священника Лавра К. потребовать объясненіе“. А до этой поры владыка поступалъ съ діаконѣмъ согласно желанію о. Лавра. И М-скій восклицаетъ: „Послѣдовательность: то гонить, запрещаетъ бесѣдовать, доводить чуть не до снятія сана, и вдругъ въ качествѣ „энергичнаго пастыря“ выдвигаетъ для борьбы съ сектантствомъ“. Но оказывается, что въ с. Т. О. плохой приходъ. Діаконъ колеблется, а архіерей настаиваетъ и обѣщаетъ не оставить „своимъ вниманіемъ, если онъ съ пользой и усердіемъ послужитъ тамъ“. М-скій въ смущеніи, боится и „его бѣшенства“—епископа, но и желаетъ служить. Наконецъ, рѣшаетъ ѣхать и представляется новому „грознаму“ владыкѣ. Въ приемной онъ лицезрѣтъ, какъ архіерей собственноручно вытолкалъ двухъ священниковъ, одного сѣдовласаго, въ скуфьѣ. „Я стоялъ рядомъ съ священникомъ, — рассказываетъ онъ, —отрѣшеннымъ отъ мѣста. — „Будете вы кланяться архіерею въ ноги“, —спросилъ онъ меня. — „Обязательно, а вы?“ — „Я? Нѣтъ... такому!“ и на лицѣ его появилась презрительная гримаса. „Пахнетъ отъ меня табакомъ?“ — „Не много“. Дошла очередь до насъ. Отрѣшенный отъ мѣста священникъ бухнулся архіерею въ ноги. — „А я не поклонюсь“, —мелькнуло у меня въ головѣ. — „Вонъ!“ —раздался на всю архіерейскую зычный крикъ. Священникъ, отрѣшенный отъ мѣста, вылетѣлъ отъ епископа бѣлый, какъ полотно, и быстро скрылся за дверями. „Грозный“ шелъ прямо на меня. Я поклонился въ поясъ и подошелъ подъ благословеніе. — „Что тебѣ? Кто ты?“ — „Изъ

села Гая, Н-скаго уѣзда, діаконъ М.“ — „Видно, что діаконъ М., гордый, непокорный, священниковъ знать не хочетъ, да и архіерея своего не чтитъ. Почему ты не воздалъ мнѣ должной чести? Не мнѣ, Христу ты не захотѣлъ поклониться“. — „Вы, владыко, такъ быстро подошли ко мнѣ, что я счелъ неудобнымъ пятиться отъ васъ“, —солгалъ я. — „Что касается отношеній къ священникамъ, то не угодно-ли вамъ будетъ выслушать мое объясненіе“. — „Что, бабы у васъ что-ль поругались, а вы сдѣпились грызться изъ-за нихъ?“ — „Не совсѣмъ такъ, владыко...“ — „Э, да что тамъ?! Я и слушать не хочу. Пойдешь ли въ Т. О.?!“ — „Очень и очень радъ, что архіерей обошелся со мной такъ милостиво, —заканчиваетъ М-скій—увѣряютъ, что по натурѣ онъ простъ и добръ. Синодскія чрезвычайныя полномочія вскружили ему голову и превратили въ „бичъ“ анархіи, въ митроноснаго Атиллу“.

Духовенство одного благочинническаго округа постановило просить перевести церковно-приходскія школы въ земство. Архіерей всѣхъ ихъ вызвалъ къ себѣ. Явились всѣ въ приемную, стоятъ и дрожать. „Впереди о. благочинный съ крестомъ и орденомъ, потомъ камилавочники, за ними скуфейники, потомъ іереи, потомъ о. о. діаконы и позади всѣхъ „псы“—псаломщики... почти на лѣстницѣ. Доложили „милостивому архипастырю и отцу“. Вышелъ. О. благочинный подошелъ подъ благословеніе и только сталъ было докладывать, какъ онъ зыкнетъ: — „А! Это вы? Вонъ отсюда, вонъ, чтобы духу вашего здѣсь не было!“ Голосина здоровенный, какъ громъ, гремитъ. А самъ такъ и лѣзетъ къ благочинному, того и гляди въ ухо засвѣтитъ. „Псы“ первые обратились въ бѣгство, за ними пустились, перескакивая черезъ двѣ на третью ступеньку, о. о. діаконы. Даже камилавочники трусили: куда и спѣсь боярская дѣвалась? Выбѣжали на дворъ, собрались въ кучку. Что дѣлать? „Потолковали отцы въ соборѣ и рѣшили идти въ консисторію“. Пришли и въ это милое мѣстечко и узнали провинившіеся отцы, что всѣхъ ихъ архипастырь перевелъ въ другіе приходы. Вотъ вамъ и школа!

Яблоко не далеко падаетъ отъ яблони, и если среди іереевъ наблюдаются карьеристы и „кулаки“, то сей грѣхъ не обошелъ и хоромы монашествующаго отца. „Наша церковная жизнь вся ушла въ стройку зданій. Священники, чтобы отличиться предъ архіереями, строятъ многотысячные храмы, школы. Епископы въ свою очередь сооружаютъ семинаріи съ паркетными полами, электрическимъ освѣщеніемъ, свѣчные заводы со всѣми техническими приспособленіями, невзирая на то, что единственнымъ путемъ для добыванія средствъ на ихъ строительства остался путь нищенства, сбора подацій. Пусть народный карманъ, и было бы удивительно, если бы онъ не былъ пустъ“. Съ давнихъ временъ епископы утратили живую связь съ своей паствой. Если съ кѣмъ они еще и встрѣчаются, то развѣ съ предводителями дворянства, губернаторомъ, кое съ кѣмъ изъ толсто-сумныхъ купцовъ, кое съ кѣмъ изъ „благочестивыхъ“ барынь, а остальные въ большинствѣ стоятъ въ сторонѣ. Отношеніе къ подчиненнымъ, запуганнымъ батюшкамъ большею частью „грозное“, рѣзкое, пренебрежительное. Требуется безпрекословное подчиненіе, оказаніе раболѣпной чести, „какъ Христу“, и всюду лѣсть, лицемѣріе и елейное благолѣпіе. Понятно, что проницательныя душонки всегда сумѣютъ обойти вскруженную властію голову и извлечь для себя пользу. И устами брата

М-скаго, пріютившаго его послѣ снятія сана, на голову его выливались „ушаты холодной воды“. Ты не знаешь синода, — говорилъ онъ. — Это, братъ, такое учрежденіе, которое не прошибешь никакими истинами и тѣмъ менѣе страданіями. Архіереямъ нужно не качество, а количество христіанъ, миллионы душъ нужны, а христіане они или язычники, зѣфи или люди — это для нихъ дѣло по меньшей мѣрѣ второстепенное. Для нихъ важно, чтобы громадное, въ существѣ глубоко раздѣленное, стало дано имъ право называть себя синодальнымъ постоянствомъ. Вторымъ священникамъ воспрещено вторично жениться. Но когда не выдержавшіе искуса отныне заводятъ себѣ любовницъ, это мало смущаетъ архипастырей. Ты самъ знаешь о вторыхъ полахъ много исторій правдивыхъ и ужасныхъ, ужасныхъ самихъ по себѣ и по разлагающему моральному воздѣйствію на народъ. Что же архіерей? Они смотрѣли и смотрятъ на это зло сквозь пальцы. Развратители народа — правя полневольные — не только не истреблялись отъ среды пасомыхъ, но и поощрялись въ своемъ служеніи наградами. Вспомни о. А. С. Онъ имѣлъ незаконную дочь — и даже не скрывался въ томъ — а дослужился до протоіерейства, орленовъ, потому что былъ уменъ и ловокъ. И такъ всегда! честныхъ, прямыхъ служителей, вынужденныхъ вторично жениться, устраняютъ отъ священнослуженія, ловкихъ же и умныхъ „предлюбѣевъ поневолѣ“ даже поощряютъ по службѣ. Это испыталъ на себѣ и М-скій.

Интересна его бесѣда съ епископомъ Антоніемъ Волынскимъ. На заявленіе, что онъ снялъ санъ ради женитьбы, епископъ отвѣтилъ: „Какъ вы были священникомъ, такъ и остались, а второй вашъ бракъ незаконенъ, есть блудное сожитіе“. — „Но, вѣдь, бракъ мой благословила церковь“. — „Не церковь, а вѣдомство“. — „Гдѣ же церковь? Кого слушать?“ Но епископъ не даетъ отвѣта, а на замѣчаніе, что ап. Павелъ не считаетъ грѣхомъ второй бракъ, онъ отвѣчаетъ, что этотъ бракъ для мірянъ. Уходя отъ епископа, М-скій уноситъ горькое чувство. „Какой онъ сталъ черствый, а въ Казани, въ Казани онъ мнѣ казался воплощеніемъ любви. Какъ я вѣрилъ ему, какъ жадно набрасывался на всякое его слово въ печати! Епископъ Антоній! Если ты убѣжденъ, что не церковь, а вѣдомство благословило меня подъ видомъ брака, то долженъ давно бы возвысить свой голосъ противъ развратителей христіанъ. Тогда бы я повѣрилъ тебѣ, что ты епископъ церкви, а теперь... Я не вѣрю, благодаря тебѣ, вѣдомству, да и тебѣ не вѣрю. Я не знаю, гдѣ церковь, гдѣ руководители истины? До сихъ поръ я проводилъ грань между брачнымъ и блуднымъ сожитіемъ и страшился послѣдняго, какъ смертнаго грѣха. Граница эта уничтожена. Буду ль я теперь бояться и избѣгать блуда? Не знаю, куда бѣжать, чтобы не впасть въ блудъ по благословенію архипастырей снова. Ты совѣтуешь мнѣ бросить ту, которая взяла на себя подвигъ воспитанія моихъ дѣтей, совѣтуешь заплатить за добро зломъ. Это — жестоко, безсердечно, и этого никогда не будетъ. Суди меня, Господи, но отнынѣ я буду руководиться голосомъ своей совѣсти, а не внушеніями неправо правящихъ слово Твоей истины“.

Въ Петербургѣ М-скій передалъ содержаніе своей бесѣды съ епископомъ Антоніемъ митрополиту. Тотъ возмутился: „Преосвященный Антоній готовъ весь міръ загнать въ монахи не мытьемъ, такъ катаньемъ. Овдовѣлъ священникъ — у него исходъ одинъ: или иди въ монахи, или живи, какъ мо-

нахъ. Онъ возмутилъ покой вашей совѣсти, но будьте покойны: церковь благословила вашъ бракъ, а не вѣдомство“. И митрополитъ разсказалъ, какъ тотъ же епископъ Антоній подписалъ замѣчаніе объ изгладимости благодати. И зачѣмъ ему въ Кіевѣ исповѣдывать неизгладимость благодати? А въ Петербургѣ благословлять священниковъ на блудъ подъ видомъ 2-го брака? „Какъ дымъ отъ сильного вѣтра, разлетѣлся предъ моими глазами призракъ „святѣйшаго“. Его мѣсто въ моемъ сознаніи заняла: „всероссійская духовная консисторія“.

Орленъ ортодоксальнаго епископства не имѣетъ основанія въ Словѣ Божіемъ, и это учрежденіе — только государственное, нужное для существующаго духовнаго вѣдомства: какъ губернатору нужны для управленія губерніей такъ архіерей для епархіи. Посему и ожидать отъ нихъ чего либо особеннаго въ духовной сферѣ не приходится: они только члены „всероссійской духовной консисторіи“, липа, облеченная большою властію и этой же властію отгороженная отъ духовной жизни общества.

V.

Не разъ приходилось М. М-скому сталкиваться съ грубымъ невѣжествомъ сельскихъ обывателей. Послѣ голоднаго года на села и деревни надвинулась страшная гостя — холера. И хотя русскій народъ усердно молился объ избавленіи: „отъ глада, губительной язвы, огня, меча, нашествія иноплемениковъ и междоусобныхъ брани“, все-же моръ продолжалъ косить новыя жертвы.

Въ чинѣ діакона М. М-скій участвуетъ съ утра до ночи въ погребеніи покойниковъ. При звонѣ церковныхъ колоколовъ трупы холерныхъ несутъ открытыми. Крестьяне и священники не желаютъ признавать заразы. М-скій настаиваетъ, „чтобы не пропались на кладбищѣ съ покойниками цѣлованіемъ“, и этимъ вызываетъ бурю негодованій. „Тебѣ какое дѣло? Ты получаешь, благодаря покойникамъ, т. о. войной походъ, и будешь доволенъ“, — говорятъ ему іереи. — „Но это пѣна жизней людскихъ, пѣна сиротскихъ слезъ“, — пробуетъ возражать молодой діаконъ. — „Не бери, коли такъ, мы раздѣлимъ межлу собой“, — отвѣчаютъ ему, и М-скій жалуется: „Меня взорвало разбойничье бездупіе отцовъ, и я посылаю сегодня докладъ о положеніи дѣла губернатору. Но укротить ли онъ ихъ? Сегодня про одного упокойника разсказывали, что онъ вчера былъ здоровъ, вышелъ поглядѣть погребальную процессію, испугался при видѣ вереницы гробовъ и сегодня самъ пугалъ другихъ“.

Дѣйствительно, какой лютый морозъ можетъ заледенить почву такъ, какъ корысть и пустота души заледенила сердца іереевъ, довольныхъ такимъ страшнымъ заработкомъ, „тройнымъ доходомъ“! Но народъ не понялъ добраго расположенія къ нему еще не очерствѣвшаго діакона М-скаго, пытавшагося внушить крестьянамъ осторожность къ заразнымъ болѣзнямъ. Старался онъ и изъ Библии доказать мужикамъ правоту своего убѣжденія и снова потерпѣлъ поражение. „Не прошибъ я народъ и Библіей. Теперь я увѣренъ, что, если бы даже Самъ Христосъ сказалъ имъ: „берегитесь... лѣчитесь“ — и Ему не повѣрили бы. Выше Бога не будешь... Отъ Бога никуда не убѣжишь, — вотъ разсужденія народа!“ И вотъ отмѣчаетъ: „Народъ настроенъ противъ меня до того враждебно, что пошли уже слухи, что меня изобьютъ на кладбищѣ послѣ отпѣванія покойниковъ“.

„Дуетъ вѣтеръ по озеру и катитъ волны въ одну сторону. Я съ своими усилиями навязать народу разумныя отношенія къ эпидеміи похожъ на человека, дующаго противъ вѣтра и безумно мнящаго поворотить волны назадъ, я самъ начинаю вѣрять, что меня поколотятъ и, можетъ быть, насмерть“.

Но послѣ минутнаго раздумья, смѣлый діаконъ снова вооружается противъ тьмы и невѣжества. Погребая одного холернаго, онъ на свой страхъ потребовалъ, чтобы гробъ закрыли. Принесли на кладбище.—„Откройте гробъ,—скомандовалъ о. Василій,—прощайтесь“. Здоровые люди принялись лобызать умершаго отъ холеры, чтобы дать намъ тройной окладъ жалованья. Я готовъ былъ задушить своими руками ризоноснаго разбойника.—„О. Василій, если прощаніе вамъ нужно, я вамъ не слуга и не участникъ въ такого рода операціяхъ“. Діаконъ снялъ стихарь и ушелъ, провожаемый уничтожающими взглядами тѣхъ, жизнь которыхъ хотѣлъ сберечь. Въ результатъ священникъ пожаловался на смутьяна архіерею, который отвѣтилъ, что если впредь онъ позволитъ себѣ „подобное безобразіе, епископъ подвергнетъ его строгому наказанію“. И М-скій разводилъ руками. „Дѣла?! Души и получай тройныя деньги или же строгое наказаніе!“...

Скоро о. діаконъ почувствовалъ огромную разницу между міровоззрѣніемъ его и народнымъ. И, наткнувшись нѣсколько разъ на стѣну народныхъ предразсудковъ, онъ рѣшилъ за лучшее больше молчать, нежели говорить. Но его, однако, не оставляли въ покоѣ и разспрашивали, какъ онъ думаетъ, что движется земля или солнце?—„Слышпшь, какъ церковь вѣруетъ: Господь утвердилъ вселенную, яже не подвижется“,—доказываетъ начетчикъ діакону. Тотъ отвѣчаетъ, что тутъ говорится не о вращеніи, а объ устойчивости, неизблемости земли.—„Какъ же Іисусъ Навинъ сказалъ: „стой солнце“... стой, значитъ ходить. По вашему нужно бы сказать: „стой земля“,—не сдастся спорщикъ.—„Іисусъ Навинъ сказалъ сообразно съ тѣмъ, что онъ видѣлъ. А глазами онъ видѣлъ тоже, что и мы, что солнце движется“,—отвѣчаетъ М-скій. Но начетчикъ уже упирается на то, что пророкъ видитъ духовными очами больше плотскихъ, съ чѣмъ діаконъ не соглашается, ибо пророки не обладаютъ свойствомъ созерцать сразу всѣ міровыя тайны, божеское всевѣдѣніе не принадлежитъ имъ. Но говорить это умудренный опытомъ авторъ, а самъ побаивается. „Предать науку на поправаніе невѣжества—нужно, громить власть тьмы во имя науки—опасно: оттолкнешь отъ себя народъ“. Правда, положеніе не изъ завидныхъ.

Въ селѣ, куда М. М-скій былъ назначенъ священникомъ, свирѣпствовалъ тифъ, скарлатина, дифтеритъ. По подсчету за годъ на 60 ч. родившихся 85 умершихъ; изъ нихъ 50 человекъ скончалось отъ заразныхъ болѣзней. „Село расположено на озерѣ, и врачъ увѣряетъ, что въ озерѣ все зло: не проносить весной озеро полой водой изъ рѣки, и вся зараза на цѣлый годъ у насъ“. Единственное средство отъ вымиранія—прорыть каналъ изъ рѣки. Тогда озеро будетъ очищаться всякую весну. Но мужики поютъ свое: „Болѣзни—дѣло Божіе, а вода по осени правда портится. Прорыть не дурно, но развѣ всѣхъ убѣдишь: загальдять, кто въ лѣсъ, кто по дрова“. И только черезъ годъ удалось уломать мужиковъ рыть каналъ. Такъ обстояло дѣло и съ плотиною на рѣкѣ, которую прорвало. Поправить ее стоитъ

рублей 500, и это кажется дорого, а неурожай сѣна заставляетъ покупать на сторонѣ, на что уходитъ 8000 руб., и объ этомъ не вздыхаютъ. Русский мужикъ крѣпокъ заднимъ умомъ!

Приплось автору встрѣтиться и съ семейной драмой. Женщина пожаловалась ему на мужа, что онъ живетъ со снохой. Сынъ смиренный и не можетъ постоять за себя. Вскорѣ снохачъ былъ изловленъ женой и сыномъ, и молодой священникъ послалъ донесеніе епархіальному начальству, чтобы посадить виновнаго на покаяніе. Но, къ большому огорченію іерея, консисторія это дѣло направила въ окружный судъ. „Хорошъ совѣтъ пресвитеровъ!—воскликаетъ М-скій.—Я ожидалъ церковно-дисциплинарнаго наказанія, отлученіе отъ церкви, а они въ окружный судъ, въ тюрьму, въ арестантскія роты. Что теперь будетъ думать народъ: „дѣйствуетъ молитвой и тюрьмой“. Неужели они не могли тамъ сообразить, что отъ такихъ пастырей народъ бѣжитъ за тридевять земель. Какъ снохачъ, какъ всякій тяжкій грѣшникъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что я желаю направить его въ райскія, а не тюремныя обители?“. Такой оборотъ дѣла сильно огорчилъ стремившагося къ добру священника.

Вообще, ему пришлось убѣдиться, что съ консисторіей, этой „Пилатовой конторой“, нужно обращаться осторожно. Она можетъ только оттяпывать головы. „Сѣчетъ, заушаетъ, оплевываетъ и распинаетъ“.

Народный идеалъ священника тоже оказался несравненно выше и чище семинарскихъ мечтаній бурсаковъ. Несмотря на отсталость и невѣжество во многомъ, мужики на обязанности пастора, смотрѣли лучше самихъ пастырей. Бурсаки думали, что священникъ долженъ благоговѣнно отслужить литургію, сказать проповѣдь, исправить требы и затѣмъ онъ—вольный казакъ: можетъ ѣхать въ гости, можетъ устроить у себя вечеринку, выпить, поиграть въ карты (не въ азартныя игры), можетъ держать лихихъ коней, „важнѣшій“ экипажъ, дорогую мебель, рояль и проч. Но народъ, наоборотъ, убѣжденъ, что священнику не къ лицу имѣть палаты, уставленныя роскошной мебелью, борзыхъ коней въ „наборной“ сбруѣ, наряжаться въ разноцвѣтныя одежды. Священникъ долженъ быть гостепріименъ, но не разгуленъ. Онъ женатый праведникъ. Батюшка не долженъ употреблять бранныхъ словъ, особенно „чернаго“. Табакокурѣніе—великій позоръ для священника. „Лучше священникъ пьяница и блудникъ, чѣмъ трубакуръ“.—говорилъ мнѣ одинъ прихожанинъ. Съ „чернымъ словомъ“—пытка. Въ семинаріи мы чертыкались безперечь. Теперь „черта“ держимъ за зубами, но нѣтъ—нѣтъ „чертъ“ къ великой досадѣ вылетитъ. „Чертъ“ повредилъ мнѣ больше, чѣмъ пара коней“—сознается М. М-скій и добавляетъ: „знаютъ прихожане, что выпиваю я съ гостями преизрядно, а когда выпью, болтаю всякій вздоръ. Выпивки эти! Цѣлую недѣлю терзаетъ меня совесть за всякую пирушку. Мнѣ ли, пастырю, пить, напиваться и нести всякую чушь?! Кромѣ совѣсти, мучаютъ кошмары, безсонница. Пропадаетъ энергія, утрачивается смыслъ жизни“. Однимъ словомъ, про жизнь іерея и мірянъ можно сказать: каковъ попъ, таковъ и приходъ!

Но м. М-скій не оправдывалъ себя въ своихъ порокахъ, и если не имѣлъ силы свыше въ возрожденномъ духѣ противостать искушенію и соблазнамъ, то все-же боролся по мѣрѣ силъ съ народнымъ пьянствомъ, особенно свадебными попойками. Водка лилась рѣкой, и поэтому женились

только богатые. Бѣднотѣ свадьбы не поплечу, большіе расходы. И священникъ объявляетъ, что не будетъ вѣнчать, если сватовѣ будетъ пить волку до свадьбы, при рукобитии, осмотрѣ женихова двора и т. д. „Пьянствомъ при бракѣ мы сравнимъ свою вѣру и разоряемъ другъ друга“. „По вѣнчанія наша воля, и мы требуемъ, чтобы до вѣнчанья водки не пили. Послѣ вѣнчанія—ваша воля, дѣлайте, что хотите“. Прихожане заволновались, но М-скій стоялъ твердо на своемъ. Бѣдняки обрадовались и поспѣшили жениться при 30 р. и меньше, тогда какъ прежде безъ 100 р. не рѣшались начинать свадьбу. Пережились всѣ женихи, скопившіеся за 5-6 лѣтъ. И батюшка радовался успѣху, да и доходъ былъ на славу.

Принялся авторъ копать канаву вокругъ гумна. Прихожане качаютъ головой. „Не твое, какъ будто дѣло, батюшка!“ И ему стало ясно, почему старыхъ священниковъ любили больше. Они по образу жизни были не бабе, а крестьяне. Лѣтомъ—одна рубашка, зимой—дубленый полупубокъ, въ рукахъ вилы, топоръ. „Рясы, скуфьи, камилавки, кресты отпугиваютъ простой народъ отъ священниковъ новыхъ и особенно новѣйшихъ. Страха больше, любви меньше. Народъ не знаетъ, когда можно подойти и поговорить съ батюшкой запросто, всегда онъ величественно разнаряженный человекъ то въ ризѣ, то въ рясѣ“. Сливаясь съ народомъ, М-скій ближе подошелъ къ его душѣ и обрѣлъ большой авторитетъ...

Съ грязью грѣха пришлось встрѣтиться М-скому и какъ вдовому попу. Не успѣлъ онъ похоронить жены, какъ за нимъ начали охотиться, какъ за цѣннымъ звѣремъ. Сразу стали напрашиваться семь кухарокъ. „Нынѣшняя старуха превзошла всѣхъ. Красивую, молоденькую внучку она привела напоказъ: „Хороша что-ль, батюшка?“ Мо-ему предшественнику, вдовому священнику, Ермолаевна, говорятъ, отдалась семнадцатилѣтней дѣвушкой. Тайна беззаконія совершается. По ея стопамъ илутъ честныя женщины и отъ мужей продаются вдовому попу“. За нимъ гоняются и старыя и молодыя, начиная старой „черничкой“—кухаркой и кончая сестрой покойной жены. И бѣдный вдовецъ мечется въ борьбѣ и чувствуетъ, что слабѣетъ. „Я чистъ тѣломъ, но отвратительно грязенъ душой и часто, очень часто, хочу быть грязнымъ“.

Отъ паденія его спасъ второй бракъ послѣ снятія сана.

VI.

Не разъ приходилось М. М-скому вести бесѣды съ сектантами, молоканами и хлыстами, и съ самаго начала онъ пошелъ новой дорогой, старался повліять на собесѣдника мирнымъ словомъ убѣжденія, тогда какъ другіе миссіонеры и священники продолжаютъ „воинствовать“ и понынѣ. „О. Лавръ бесѣдуетъ съ молоканами въ церкви, а мы съ о. Гаврииломъ С. по домамъ, въ школѣ. О. Лавръ воюетъ, позеленѣетъ, сдвинетъ скуфью на затылокъ, ругается отъ святаго писанія, мы потолкуемъ немного и отправляемся пить чай къ своимъ собесѣдникамъ“. „О. Лавръ донесъ что-то про бесѣды. Сегодня благочинный прислалъ намъ такую резолюцію его преосвященства: „Діакону М. и священнику С. воспретить бесѣды, какъ не искуснымъ“. „Гдѣ я, Боже мой, хочу добро сдѣлать, а мнѣ говорятъ: „не смѣй!“ Ненавидь, бѣснуйся, язви, братскихъ же рѣчей не смѣй говорить!“—горько жалуется молодой діаконъ.

Позже его назначили священникомъ-миссіонеромъ въ сектантскій районъ. Тамъ его посѣтили молоканскіе пресвитеры, и „злые, несимпатичные, съ медомъ на устахъ, съ ядомъ въ сердцѣ“. Собесѣдники скоро „пощупали“ другъ друга. „Библия для нихъ и для меня кодексъ законовъ ветхаго и новаго. Я силюсь подобрать болѣе статей, оправдывающихъ меня, а они,—ихъ. За иную статью хватаемся съ жаромъ и они и я. Они силятся перетянуть смыслъ статьи на свою сторону, а я—на свою.“

Двѣ стороны, борющіяся около Христова закона любви, не имѣютъ любви другъ къ другу. Около источника живой воды одни кричатъ, что ихъ противники находятся въ безводной пустынѣ, а тѣ—наоборотъ. Источникъ течетъ мимо рта тѣхъ и другихъ... Мы бились, имѣя промежъ себя евангеліе. Оно было для той и другой стороны брестверомъ, за который мы прятали свои головы и сердца, пропитанныя тщеславіемъ, себялюбіемъ. Обѣ стороны были равно чужды духу евангельскаго братства“. Читая эти строки, вспоминается наставленіе ап. Павла-Тимофею: „Отъ глупыхъ и невѣжественныхъ состязаній уклоняйся, зная, что они рождаютъ ссоры: рабу же Господа не должно ссориться, но быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ, съ кротостію наставлять противниковъ, не дасть ли имъ Богъ покаяніе къ познанію истины, чтобы они освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю“ (2 Тим. 2, 23—26). Такъ какъ почти всѣ собесѣдованія съ миссіонерами византійской церкви происходятъ въ „воинствующемъ“ духѣ, то мы считаемъ за лучшее, посовѣтывать не принимать въ этихъ состязаніяхъ участія, какъ въ бесполезномъ словопреніи.

Въ другомъ мѣстѣ М-скій отмѣчаетъ: „Провелъ нѣсколько удачныхъ бесѣдъ. Удачныхъ? Для моего самолюбія—да. А полезны-ли онѣ были для слушателей, для сектантовъ? Если смотрѣть съ этой стороны, то... мнѣ думается, что наиболѣе удачныя бесѣды должны быть признаны наименѣе полезными, если не сказать, вредными. Народъ, сектанты чувтъ, что при бесѣдахъ борются два самолюбія. Сильные удары—язвы самолюбію, какъ той, такъ и другой сторонѣ. Разбитый не приближается къ побѣдителю, а отбрасывается назадъ. Побѣда миссіонера закрѣпляетъ его противниковъ, въ преданности сектантству и въ ненависти къ православію. По этому апостолъ Павелъ уклонялся отъ споровъ, запрещалъ спорить другимъ. Миссіонерская проповѣдь должна быть „явленіемъ духа и силы“. Да! Если бы я христіанство свое выстрадалъ, пережилъ, слово мое явило бы „силу“ убѣжденія. Если бы я взялъ себя въ руки и ни въ чемъ не давалъ себѣ поблажки, можетъ быть, я явилъ бы и „силу духа“. Апостолы проповѣдывали: „вѣруйте и живите, какъ мы вѣруемъ и живемъ“. А мы только: „вѣруйте“,—а насчетъ нашей жизни помалкиваемъ и хорошо дѣлаемъ. Какъ сектанты не догадаются поддѣть насъ на этомъ? Думаю, что православные только тогда будутъ застрахованы отъ сектантства, когда они будутъ умнѣе, просвѣщеннѣе сектантовъ, когда ихъ религіозная жизнь будетъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовой для сектантовъ. Сектантство распространяется въ народныхъ низахъ, и нужно не оборонять народъ съ верховъ, а дать самому народу средства самообороны“.

Да, священникъ М-скій правъ и въ опредѣленіи борющихся собесѣдниковъ—противниковъ и въ нахожденіи средства отъ вліянія сектантства на православныхъ. Конечно, когда православные ста-

нутъ умнѣе и просвѣщеннѣе сектантовъ во всѣхъ духовныхъ вопросахъ, основанныхъ на Евангеліи, и, когда ихъ религіозная жизнь будетъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовой, тогда переходъ къ какимъ-либо сектантамъ будетъ прямымъ уклономъ отъ Слова Божія въ ересь, извращеніемъ ученія Господа и Его апостоловъ. Но сейчасъ же наирашивается вопросъ: когда сіе совершится? И сектанты все громче и настойчивѣе начинаютъ вторить: „Покажите вѣру вашу изъ дѣлъ вашихъ, изъ жизни вашей? Намъ надоѣло видѣть васъ воителями съ голыми руками, но съ длиннымъ языкомъ!“. Вѣрно и то, что охранять народъ отъ вліянія сектантовъ съ верховъ не нужно. Пора прекратить прибѣгать къ полицейскимъ мѣрамъ пресѣченія, пораустыдиться невѣжественныхъ приемовъ. Народъ самъ сумѣетъ разобраться, гдѣ правда и гдѣ ложь. „Но консисторія дума етъ иначе,—заключаетъ М-скій.—Средства самообороны не нужно давать народу, потому что народъ, къ стыду перкви, плохо будетъ управлять „мечемъ слова“. Поэтому самооборона не только не поощряется, но воспрещается. Всѣмъ начетчикамъ изъ простого народа консисторія воспретила бесѣды съ сектантами“. А сектантамъ властью меча воспрещаетъ бесѣды съ православными; оно легко и покойно: „не смѣть разсуждать!“

Въ средѣ миссіонеровъ, какъ и во всякомъ служебномъ управленіи, ведется открытая конкуренція и даже вражда. М-скій шипитъ: „Въ бесѣдѣ объ иконопочитаніи два наивныхъ старичка чуть было не замотали нашего миссіонера. По требованію духовенства два раза пришлось исправлять ходъ бесѣды. Не можетъ быть сомнѣнія, что А-въ меня ненавидитъ, какъ соперника“. Въ другой разъ тотъ же миссіонеръ наткнулся на болѣе искуснаго начетчика. Снова духовенство потребовало отъ меня поправокъ. Миссіонеръ въ свою очередь потребовалъ, чтобы я ему не мѣшалъ. Что дѣлать? Собрались всѣ въ алтарь. Стыдно предъ народомъ. Единогласно постановили вызвать миссіонера для объясненій въ алтарь, а я въ это время долженъ занять его мѣсто. Послали, не идетъ. Ушли всѣ изъ перкви въ видѣ протеста, потомъ опять пришли. Миссіонеръ ругаетъ своего собесѣдника на всѣ корки. Духовное напряженіе духовенства достигло высшей степени. Нѣкоторые дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ, благочинный не выдержалъ. Онъ взялъ миссіонера за рукавъ рясы и потребовалъ, чтобы тотъ уступилъ мнѣ мѣсто. „Зачѣмъ? Мнѣ и одному тутъ дѣлать нечего“. Позже М-скій выразилъ порицаніе миссіонеру за не достойный священника тонъ бесѣды. „Сарказмы допустимы въ бесѣдѣ“.—возразилъ мнѣ онъ.—„Сарказмы допустимы? Что такое сарказмъ?“.—„Сарказмъ—злая насмѣшка“. „Такъ вы миссіонеръ, благовѣстникъ евангелія, считаете допустимымъ въ бесѣдѣ злая насмѣшка?“ „Миссіонеръ ничего мнѣ не отвѣтилъ“, замѣчаетъ М-скій, да и что можно сказать противъ его доводовъ? Какое общеніе свѣта со тьмой! И молчаніе вышеуказаннаго миссіонера подтверждаетъ только, что онъ нарядится въ чужой костюмъ „благовѣстника Евангелія“, безъ силы и духа этого Евангелія, и собой онъ представляетъ одного изъ многихъ носителей „пустосвятства“.

О сектантахъ вообще М. М-скій невысокаго мнѣнія; знакомъ онъ, повидимому, только съ молоканами и хлыстами и по нимъ судить обо всѣхъ. „До сихъ поръ среди сектантовъ не было ни одного генія съ положительнымъ, созидательнымъ, направленіемъ, и это ихъ слабая сторона“, пи-

шетъ онъ. Они говорятъ: „Этотъ путь—не христіанскій, этотъ—тоже“, а на вопросъ: „Гдѣ же онъ?“ Увѣряютъ: „тотъ путь, по которому мы идемъ“, и въ этомъ „мы“ „вся суть дѣла“. Конечно, если на всякаго инакомыслящаго смотрѣть глазами синодскихъ миссіонеровъ, хотя бы и безпристрастныхъ по своему, но все же исповѣдующихъ опредѣленный катехизисъ, то всѣ остальные будутъ или заблуждающіеся по невѣдѣнію или же выдвигающіе на первое мѣсто свое „мы“, которое будетъ считаться гордымъ, заносчивымъ, безъ всякаго религіознаго творчества, безъ всякаго возвышенія челоуѣка до богоподобія. И они по своему правы, какъ правы по своему и тѣ сектанты, которые, вникая въ основу и смыслъ христіанства, основаннаго на Евангеліи, говорятъ: „вашъ путь—не христіанскій“. Все же М-скій признаетъ, что сектанты „взяли на память біблію, всю наизусть, а мы не учили бібліи, а только просмотрѣли, перелистовали, особенно Евангеліе и посланія. Времени не было. На пасхалии, латинскій, греческій языки и т. под. было, а на это нѣтъ“. Здѣсь авторъ говоритъ лишь о посвятившихъ себя на служеніе бурсакахъ, ставшихъ „батраками“, и сознается, что они „бібліи не учили“, что онъ „слабъ въ словѣ Божіемъ“, а объ остальныхъ прихожанахъ, мірянахъ и говорить нечего, они даже для него, пастыря своихъ овецъ, суть лишь „невѣжды, полухристіане“. И въ другомъ мѣстѣ М-скій заявляетъ: „Еще милуетъ насъ Богъ, не посылаетъ на нашу разваливающуюся храмину вѣтра „зѣльна“. Поплетъ и разореніе будетъ великое“. И этимъ вѣтромъ „зѣльнымъ“ онъ считаетъ сектантовъ. Да, это такъ, „всѣмъ сектантамъ“, живымъ христіанамъ, стремящимся не къ установленію только правильнаго вѣроученія, а и къ жизни по заповѣди Христа, нужно особенно обращать на то вниманіе, чтобы они ничуть не выдвигали своего „мы“, а во всемъ опирались на авторитетъ слова Божія и слово убѣжденія согласовали съ жизнію по немъ. Тогда для простого люда, живущаго по слову Божію, не будутъ имѣть значенія „недочеты ихъ убогой логики“ и „неправильное опредѣленіе понятій текстовъ“. Съ того, кто не прошелъ курса семинаріи, нельзя спрашивать „логики“ и стройности въ мышленіи. Но если крестьяне, изслѣдуя Св. Писанія и выясняютъ себѣ правильное понятіе текстовъ и умѣютъ передать суть своего убѣжденія другимъ, то это благодаря пытливости и настойчивости ума и, такъ сказать, „милостію Божіею“.

Молоканъ авторъ находитъ равнодушными къ вопросамъ вѣры и нравственности, молоканство „имъ дорого не по внутреннему содержанію, а за то, что даетъ имъ свободу отъ поповъ, требъ, поборовъ, постовъ и проч.“. Они, по его мнѣнію, живо интересуются всякаго рода процессами наживы. „Деньги для молоканъ—богъ и вѣра“. Насколько намъ извѣстно, среди молоканъ тоже существуетъ живое духовное устремленіе, но большинство молоканъ застыло, именно, на наживѣ, на деньгахъ. Поэтому имъ придется проглотить горькую пилюлю рѣзкаго сужденія рѣшительнаго батюшки.

Хлыстовъ онъ считаетъ ипнущими Бога и манера исканія чисто русская. Если Богъ есть, то въ самомъ дѣлѣ есть, а не такъ, чтобы есть и нѣтъ Его, нигдѣ не видятъ, не слышатъ. Хлысты увѣрены, что Бога можно видѣть, слышать, осязать. Они не желаютъ только мыслить о Богѣ, но имѣть Его въ сердцѣ. Радѣнія хлыстовъ дѣлаются на три части. „Въ первой хлысты предаются безутѣшной

скорби: жалобно поютъ, вздыхаютъ, плачутъ, рыдаютъ. Во второй наоборотъ—они предаются необузданному веселію: поютъ веселыя пѣсенки, подтопываютъ, пляшутъ, хоятъ, вертятся хороводомъ. Когда руки разомкнутся отъ быстроты верченія, общее радѣніе, круговое, кончается, начинается радѣніе въ одиночку. Это третья часть. Въ одиночку радѣютъ, кто какъ хочетъ: прыгаютъ, кружатся, качаются (изъ стороны въ сторону или взадъ и впередъ), трясутся, свистятъ, смѣются, мяукаютъ, ржутъ и т. п. Радѣніе заканчивается пророчествами на незнакомомъ языкѣ. Радѣніе хлыстовъ М—скій представляетъ себѣ не иначе, какъ религіозную вечеринку, балъ съ религіозной цѣлью. „Занятно и „богъ“ добывается скоро и сподручнымъ средствомъ: задалъ работу рукамъ, ногамъ, спинѣ— и тутъ какъ тутъ „сударь духъ святой“. Но размысленія о хлыстовствѣ приводятъ автора къ неожиданному и грустному заключенію: „Если просвѣщеніе развѣтетъ хлыстовскія иллюзіи и хлыстовскій самообманъ разрядится атеизмомъ, то несомнѣнно тѣмъ же кончится и наше синодальное православіе, почивающее на богословіяхъ: догматическомъ, нравственномъ, основномъ и т. п., но все менѣе и менѣе живущее Богомъ“.

* * *

Суета суетъ пронизала духъ человѣка. Грѣхъ, какъ ревматизмъ, сковаль всѣ члены организма, предназначеннаго питать, воспитывать и управлять жизнію вѣрующихъ. Всюду видны недочеты, ошибки, чуждые и невольныя, пороки рабовъ грѣха. Требуется коренное измѣненіе всего духовнаго строя народнаго быта. Нужна реформа, нужно очищеніе святилища отъ мусора предразсудковъ, ханжества и суевѣрія. Иначе глубокое безбожіе и дикій разгулъ страстей скосятъ остатки устремленія къ добру, свѣту и истинѣ. Нужно дать народу чистое неприкрашенное Евангеліе. Нужно снять вѣсковыя оковы всякихъ запретовъ, отжившихъ свою силу и право грубого невѣжества. Да и всѣмъ здравомыслящимъ, чуткимъ, стремящимся въ высъ душамъ нужно не ожидать какого-то разрѣшенія опредѣлить свое духовное состояніе, а немедленно приниматься за усиленную работу. Парствіе Божіе усиленіемъ берется! Положить Евангеліе въ основу нашей жизни—дѣло не одной минуты, а великій трудъ цѣлой жизни. Вѣрующій призванъ совершать спасеніе свое, т. е. жить по Слову Божію и вѣру свою закрѣпить дѣломъ, дабы не быть участникомъ пустосвятства...

Тимо.

Стихотворенія.

I.

Горе мнѣ, если я не страдаю,
Если счастливъ я въ жизни земной,
Не томлюсь, не скорблю, не рыдаю
Объ отличіи моей дорогой,—
Если тѣлныя въ мѣрѣ красоты
Покорили всевластно меня,
Если страсти, тревоги, заботы
Все плѣнительный день ото дня.
Горе мнѣ, если въ близости пахень
Я покинулъ доверчивый плугъ,—
О, какъ грозенъ, какъ яростно-страшенъ
День Господень мнѣ вѣсь вдругъ!..

Радость мнѣ, и блаженъ я безумно,
Если въ мѣрѣ я—чуждый пришлецъ:
Пронесется весь мѣръ эфемерно,
Но безсмертенъ мой скорбный вѣнецъ!..

2.

Глубокомысленная глупость,
Остротъ изъѣденная тупость,
Къ землѣ прибитыя мечты,
И радость тамъ, гдѣ все недужно,
И бѣгство тамъ, гдѣ биться нужно,—
О, мѣръ нашъ гордый, это—ты...

П. Николаевъ.

VII.

Тула и Пенза.

Наша родина—великая страна неисчерпаемыхъ богатствъ, непочатой еще энергіи и духовныхъ устремленій. И неожиданнымъ противоположностямъ въ ней нѣтъ конца-края. Управлялася она въ каждомъ мѣстѣ, какъ Богъ на душу положить по: ставленнымъ хозяевамъ, сирѣчь, отъ губернатора и до урядника включительно, начальствующимъ. Въ ней можно было встрѣтить монархическій строй, конституціонное княжество, оброчное помѣстье и даже республиканскій порядокъ. Побольше городъ—и начальство большое, но есть благодатные углы, гдѣ форменной фуражки не видѣли годами, а жили люди припѣваючи. Въ ней по волѣ и желанію одного владѣльца высылали, на примѣръ, всѣхъ сектантскихъ проповѣдниковъ и закрывали собранія, и рядомъ во владѣніи другого хозяина тѣ же общины и тѣ же лица благоденствовали и преуспѣвали.

Наша родина—еще необъединенная огромная часть вселенной, требующая тѣмъ-темъ работниковъ по всѣмъ отраслямъ духа и тѣла. Ей предстоитъ великое будущее, когда свѣтъ Божій пронизетъ толщу ея предразсудковъ, суевѣрій, лѣности и нерадѣнія, когда Евангеліе станетъ основой жизни ея лучшихъ сыновъ, стремящихся къ правдѣ. Пока-же что, эта огромная земля плохо связана дорогами между городами, селами и деревнями, еще хуже общими интересами и цѣлями. Единственно прочныя узы издревле сплетали ее въ одно цѣлое: пьянство, развратъ, неурожай, голодъ, эпидемія, война, насиліе. Но не вѣчно же этимъ калѣкамъ бродить по великой російской равнинѣ, придетъ и имъ конецъ, и онъ не за горами!..

Вотъ по этой равнинѣ и мчался нашъ поѣздъ, мимо лѣсныхъ чащъ, полей, селеній и рѣдкихъ городовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ выше подымались снѣговые сугробы и крѣпчалъ морозъ.

Развѣсивъ супитъ промокшія части одежды, мы размѣстились въ маленькомъ, старинномъ вагонѣ, возившемъ, навѣрно, нашихъ крѣпостныхъ прародителей. Но неудобства не замѣчались: уныніе не успѣло забраться въ вагонъ и вернулось обратно въ острогъ. Движеніе доставляло радость и веселье.

— Ыдемъ! Ыдемъ! И это—не сонъ!

Объденный чай устроили въ Орлѣ и неожиданно, съ недопитыми чашками, должны были пересѣсть въ другую кѣтушку. Проходя вдоль платформы, я отыскивалъ знакомыхъ, но никого не встрѣтилъ. Всего четыре часа ѣзды отъ Орла живетъ моя матушка и не знаетъ, родная, куда гонять ея чадо! Впрочемъ, это и—къ лучшему: сохраняются липнія слезинки, которымъ она за свою жизнь и счетъ потеряла..

Въ новомъ вагонѣ встрѣтили типичнаго „политическаго“ въ черной косовороткѣ, съ длинными волосами, худого, блѣднаго, съ болѣзненнымъ налетомъ на лицѣ отъ долгаго сидѣнія по тюрьмамъ. Послушалъ онъ нашъ разговоръ и вмѣшался.

— Если не ошибаюсь, вы—баптисты?

— А почему вы судите?

— Изъ разговоровъ, конечно. Я съ баптистами хорошо знакомъ. Когда въ Петроградѣ работалъ, то ходилъ на собранія и даже пѣлъ въ хорѣ. Ну, а затѣмъ послѣдовало разочарованіе...

— Чѣмъ же вы разочаровались?

— Да такъ, вообще, всякая религія, это—пережитокъ старины, возвращеніе въ рабство, отъ котораго мы должны освободиться совершенно. Замѣтилъ я также, что богачи—баптисты неособенно то отказываются отъ своего имущества. Былъ одинъ фабрикантъ, такъ онъ давилъ своихъ рабочихъ, какъ и всѣ кулаки, а считалъ себя вѣрующимъ.

— Вы, конечно, противъ богатства?

— Я думаю, что если кто желаетъ жить по Евангелію, тотъ долженъ отказаться отъ всего и быть бѣднякомъ.

— Этотъ вопросъ нужно обсудить,—отвѣчали мы.—Изъ Слова Божія ясно видно, что сердце христіанина не должно быть привязано къ богатству, этому идолу многихъ людей. „Дѣти, храните себя отъ идоловъ“,—говорилъ когда-то Іоаннъ вѣрующимъ. Богатый впадаетъ во многія искушенія. Это все такъ, но отказаться рѣшительно отъ всего—это слишкомъ растяжимо и туманно. Самый жалкій нищій хоть что-нибудь да имѣетъ. И если всѣ начнутъ отдавать, то кто же будетъ брать? Затѣмъ является вопросъ: дѣйствительно ли грѣшно имѣть что-нибудь? Посмотрите на Христа: нѣкоторыя вѣрующія женщины служили Ему имѣніемъ своимъ: у Его учениковъ былъ денежный ящикъ и даже кассиръ—Іуда Искаріотъ. Снятый съ распятаго Христа хитонъ воины не пожелали портить, а бросили о немъ жребій, какъ о цѣнной вещи, и мы видимъ, что Христосъ не отказался носить его. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти цѣнности для Него не имѣли значенія, и Онъ не имѣлъ, гдѣ голову склонить. Онъ созидалъ Свое Царство внутри человѣка...

— Значитъ, вы считаете эксплуатацію допустимой и разрѣшенной?—перебилъ нашъ собесѣдникъ.

— Нѣтъ, не допускаемъ, считаемъ это позоромъ и находимъ, что богатство приноситъ много зла людямъ, дѣлитъ ихъ на классы. Знаемъ что золото страшно властвуетъ на землѣ. „На землѣ весь родъ людской чтитъ одинъ кумиръ священный!“ говоритъ поэтъ. Даже къ Богу доступъ люди преградили металломъ: за деньги бываютъ молитвы простыя и не простыя. Но если человѣкъ возрожденъ свыше отъ Духа, то онъ не рабъ богатства, и если имѣетъ таковое, то является лишь управителемъ не своего имущества для добраго. И если указанный вами фабрикантъ угнетаетъ рабочихъ, то еще вопросъ: вѣрующій ли онъ? Вѣдь не всѣ тѣ вѣрующіе по Евангелію, кто бываетъ на собранияхъ....

— Все это сказки и ханжество,—рѣзко возразилъ политическій.—Я понимаю такъ, что никакого Бога нѣтъ, а Христосъ былъ первымъ социаль-демократомъ, котораго темная, фанатичная толпа того времени сдѣлала Богомъ. Намъ пора отдѣлаться отъ этихъ глупостей...

— Мы полагаемъ, что всякій, считающій себя интеллигентомъ, долженъ выбирать выраженія и осторожно относиться къ убѣжденію другихъ, хотя бы съ нимъ и несогласныхъ, но которые не мѣшаютъ прогрессу человѣчества къ лучшему будущему.

— Вотъ, именно, вы мѣшаете тѣмъ, что вбиваете въ головы людей всякую тамъ мистику и прочую ерунду... Больше я съ вами и говорить не хочу, ну васъ...—и онъ скверно выругался.

— Бываютъ дикари и въ Европѣ,—замѣтили мы и умолкли.

Позднимъ вечеромъ прибыли въ Тулу. Холодный вѣтеръ обжигалъ лицо и обсыпалъ снѣговой пылью. Всѣ пассажиры жались по сторонамъ платформы, уступая дорогу торжественной арестантской процессіи. На площади конвойные наложили наручники и выстроили по-четыре.

— Давай руку,—подступилъ солдатъ къ нашему ряду.

— Мы—духовныя лица!—отвѣтили ему строго.

Было похоже на то, какъ когда-то апостолъ Павелъ сказалъ: „Я—римскій гражданинъ!“

— Какіе духовные?—недоумѣвалъ стражъ.

— Духовныя лица инославнаго исповѣданія.

— Значитъ, вы пригильированные?

— Да, мы привилегированные.

Цѣпи исчезли. Для вещей подводы не оказалось, и мѣшки изрядно оттянули наши плечи, пока добрались до мѣста. Ровнымъ шагомъ шли по тихимъ улицамъ верстъ пять съ „гакомъ“. Вспомнилось одно путешествіе изъ деревни на станцію тоже ночью. Встрѣтили мы тогда мужика и спросили: „Далеко ли до вокзала?“—„Да верстовъ восемь съ гакомъ мабуль буде!“—отвѣтилъ хохолъ. Шли-шли тогда, устали, а станціи все нѣтъ. „Что значитъ съ „гакомъ“? полюбопытствовалъ я, останавливаясь для передышки. „Съ излишкомъ!“—былъ отвѣтъ. Этотъ „гакъ“ въ ту ночь едва одолѣли! Такимъ онъ оказался и теперь, а отдыхъ не полагался... Завидѣвъ высокую каменную стѣну, мы облегченно вздохнули, предвкушая покой.

Довольно любезный и доступный помощникъ начальника, за неимѣніемъ отдѣльной камеры, отвелъ намъ въ общей мѣсто у стѣны на деревянномъ полу съ большими щелями. Тюремныя крысы и мыши пробирались къ провизіи изъ подполья, а двуногіе „охотники“ бродили около по полу; приходилось наблюдать на два фронта...

Утромъ одинъ изъ стаи воровъ напустился было на насъ съ отборной бранью, но мы всѣ такъ дружно заговорили, что онъ умолкъ, а позже извинился, ссылаясь на нервность и уже ладилъ съ нами до самаго Томска.

Изъ общей массы однокашниковъ выдѣлялись нѣкоторыя лица. Нѣкій „толстоцевъ“ съ искривленной, короткой ногой, на костылѣ, попалъ по его словамъ, „за протестъ противъ войны“. Въ числѣ другихъ онъ участвовалъ въ расклейкѣ прокламаціи на заборахъ, на этомъ дѣлѣ и попался.

Въ разсужденіяхъ проявлялъ большую наивность, объяснить основаніе своихъ убѣжденій не могъ, а отдѣлывался общей фразой:

— У насъ такой порядокъ!

Свое теплое пальто, бѣлье и другія вещи онъ раздалъ заключеннымъ, которые же потомъ надѣ

нимъ и смѣялись. И все-же, несмотря на наивность, онъ вмѣстѣ съ товарищами устроилъ гдѣ-то въ тюрьмѣ тайную типографію и печаталъ свои воззванія. Только измѣна одного изъ заговорщиковъ открыла „крамолу“.

Тамъ же познакомились съ типичнымъ купцомъ—воротилой, въ сапогахъ бутылками и подстриженного въ скобку. Гдѣ то „сорвалось“ выгодное дѣльце, пришлось выдать полложный вексель, который и загналъ на отдыхъ за рѣшетку.

— Такъ ужъ вышло, нужно было на время, на самый короткій срокъ сдѣлать это, да не успѣлъ выпутаться,— качалъ старикъ головой, глубоко вздыхая.

Слушая о спасеніи во Христѣ, онъ проливалъ слезы и рассказывалъ:

— Теперь я вижу, что заблуждался много. Былъ я членомъ „союза истинно-русскихъ“. И все шло по-хорошему, пока жертвовалъ много, а какъ стряслась бѣда, ни одинъ не помогъ, точно я незнакомый имъ. А сколько мы ругали евреевъ, ученыхъ, да и вамъ доставалось на орѣхи, нечего ужъ грѣха таить! Скажите мнѣ, правда ли, что вы молитесь за Вильгельма? Говорятъ, что для него собираете деньги?

Эту легенду приходилось слышать уже не разъ, и теперь снова повторили купцу азбучную истину, что мы—русскіе по національности, любимъ нашу родину, и въ рядахъ арміи теперь находятся наши отцы, братья, дѣти. Съ Вильгельмомъ никакого знакомства не ведемъ и не вели, денегъ ему не давали и отъ него не получали. Все это клевета со стороны противниковъ въ лицѣ духовенства, миссіонеровъ и всякихъ ревнителей, пользующихся военнымъ положеніемъ для своихъ цѣлей.

Среди сектантовъ измѣнниковъ нѣтъ. Извѣстное же дѣло казеннаго полковника Мясоѣдова и другихъ показало, что предатели находятся въ верхахъ. Пользуясь нѣкоторымъ сходствомъ нашихъ богослуженій съ лютеранствомъ, враги и кричатъ: „нѣмецкая вѣра“, „измѣнники“. Въ древнее время Неронъ сжегъ Римъ, обвинилъ же въ этомъ ни въ чемъ неповинныхъ христіанъ, которые погибли тысячами. Возможно, что и теперь вину за неудачи валяютъ на сектантовъ. Но правда всегда восторжествуетъ.

— Да, неправды много на свѣтѣ,—вздыхалъ собесѣдникъ.—Вотъ и со мной былъ случай. Укралъ у меня лѣтомъ бумажникъ съ тысячею рублями. Думалъ я на однихъ и все слѣдилъ за ними, а оказались совсѣмъ другіе. Вонъ тамъ, въ углу лежитъ парень курносый, такъ онъ признался мнѣ, что съ двумя такими же жуликами вытащилъ деньги и давно уже ихъ прокутили. Вотъ жулье-то!

Гулъ голосовъ, смѣхъ, крикъ, лязгъ цѣпей сливался въ шумъ, похожій на прибой морскихъ волнъ.

— Я радъ вамъ, какъ ангеламъ Божиимъ,—говорилъ купецъ, утирая глаза.—Что здѣсь было до васъ, не приведи Богъ! Сущій адъ кромѣшный! Только и слышишь: „мать да перемать“! Безстыдники всѣ тутъ. А теперь, гладъ да божья благодать. Всѣ бесѣдуютъ и ведутъ себя чинно. А что тутъ дѣлается ночью,—запелъ онъ, оглядываясь,—и сказать стыдно! Вонъ, тамъ спитъ староста камеры, конокралъ, такъ онъ ночью беретъ къ себѣ мальчиковъ, тѣфу! Ай, ай, что тутъ только дѣлается, Царица Небесная! Чистый Содомъ и Гомора.

На койкѣ конокрада, единственной во всей камерѣ, сидѣлъ бойкій мальчикъ. Лѣтъ 13-ти, въ полотняной, когда-то бывшей бѣлой рубахѣ, ку-

рилъ папиросу и пускалъ дымъ въ лицо своему покровителю. На блѣдномъ, испитомъ лицѣ старости блуждала улыбка, тусклые глаза щурились. Бросивъ окурокъ, юнецъ взялъ новую папиросу и ударилъ конокрада по спинѣ. Тутъ же стояли другіе арестанты, что-то говорили про женщинъ, смѣялись и старались ущипнуть извивавшагося парнишку.

— Самый послѣдній мальченка!—махнулъ рукой купецъ, указывая на него.—Пропавшій!

„Дѣти—цвѣты земли“,—такъ часто звучитъ трогательное сравненіе. Но какъ часто во множествѣ гибнутъ эти „цвѣты“, замораживаемые суровой дѣйствительностію. Безжалостный богъ войны тяжелой поступью давитъ всѣхъ обывателей земли, на кого только наступить,—и бѣдныхъ и богатыхъ, счастливыхъ и обездоленныхъ,—давитъ и нѣжные всходы, и „цвѣты земли“. Дѣти—точное отраженіе большихъ. При заболѣваніи организма большихъ эпидемичной болѣзнью „войною“, быстро и неуклонно растутъ и дѣтская преступность, принимающая все новыя формы. Развращенность дѣтской души достигаетъ своего предѣла въ заразной атмосферѣ „мертвого дома“, откуда малыши выходятъ съ „профессорскими“ познаніями по части многограннаго порока, изощренной преступности и съ богатымъ арсеналомъ отборныхъ „словечекъ“ и примѣровъ. Обреченные на долгое заточеніе, многіе изъ преступниковъ обращаютъ свое похотливое вниманіе на юное дѣтское тѣльце и въ этой области мерзостямъ нѣтъ конца. Для достиженія своихъ цѣлей безумцы пользуются ласками, угощеніемъ, подарками, а то даже угрозами и насиліемъ.

Три мальчика—добровольца, отбивъ нѣсколько такихъ „атакъ“, сидѣли вблизи насъ и читали Евангеліе. Нѣкоторые братья, вспоминая своихъ дѣтишекъ, много бесѣдовали съ ними.

Большая камера освѣщалась двумя электрическими лампочками, висѣвшими на потолкѣ. И при этомъ скудномъ свѣтѣ, напрягая зрѣніе и голосъ, кто-либо изъ служителей Божиихъ читалъ Евангеліе. Заинтересованные слушатели окружали чтеца. Ставились вопросы, высказывались мнѣнія, завязывалась бесѣда, и незамѣтная работа „расчистки поля“ двигалась впередъ.

— Сколько я листовъ этого самаго Евангелія покурить въ тюрьмахъ, и не счесть! А вотъ такихъ вещей тамъ и не находилъ,—говорилъ пожилой узникъ.

На четвертые сутки былъ назначенъ этапъ внѣ очереди. Старикъ—надзиратель притащилъ большую корзину заказанной провизіи, и мы были готовы „къ отплытію“. Два вора тоже хотѣли купить кое-что, но распоровъ пубу, открыли, что запитыя деньги исчезли. Выходило по пословицѣ: „Воръ у вора дубинку укралъ“. Злые, обворованные вора въ этомъ злодѣяніи обвиняли другъ друга и ссорились безконечно.

Послѣ угарной духоты, движеніе на чистомъ воздухѣ, при блескѣ звѣзднаго небосвода, по скрипучему снѣгу радовало духъ. Шли тихо, точно совершали прогулку. Бойкія лошади старательно зарабатывали себѣ на овесъ, и сѣдоки на санкахъ засматривали намъ въ лица. Изъ-за угла вынырнула парочка и быстро промчалась; увидѣвъ партію, дама испуганно прижалась къ своему спутнику. Мы только горько улыбнулись во слѣдъ. Совсѣмъ, вѣдь, недавно я катилъ на резиновыхъ шинахъ по столичной мостовой „бариномъ“ и за быстроту прибавилъ извозчику лишній гривенникъ.

— Не отставай и въ ногу, штобы ровно було!—поучалъ неповоротливый языкъ хохла-солдата.

У вокзала произошла задержка на полчаса, и морозъ началъ сердито пощипывать уши, лица, ноги, и особенно сердился надъ тѣми, кои остались вѣрными своему лѣтнему костюму.

Но щупальцы мороза не шалили и солдаты, которые пригласили озябшую братію въ залъ III класса. Часа два простояли, подобно овцамъ, вплотную, и ватѣмъ заняли вагоны безъ рѣшетокъ, чему и обрадовались: все-таки хоть немного походило на свободу! На станціи какой-то „любитель“ вытащилъ изъ кармана мои перчатки и платокъ. Я замѣтилъ, обернулся, но воръ одну перчатку уже бросилъ на снѣгъ за платформу.

— Ты, видно, самъ бросилъ, чего врешь! — отвѣтилъ мнѣ на заявленіе конвойный.

Вагонъ оказался удобнымъ, отдохъ — пріятнымъ. Вотъ, если бы у дверей не торчалъ стражъ, то сіе путешествіе походило бы на любительскую экскурсію. Впрочемъ, въ нашемъ вагонѣ появился и вольный пассажиръ: бойкій, кудрявый, съ вздернутымъ небольшимъ носомъ проводникъ вагона. Избалованные безпрекословнымъ подчиненіемъ этапниковъ, конвойные попробывали было и на сего молодца распространить свою власть, но направились на отпоръ. Въ вагонѣ одно мѣсто принадлежало проводнику, и какъ его солдаты ни гнали, онъ не ушелъ; часовой выругалъ впрямца, тотъ отвѣтилъ и остался побѣдителемъ. Приказаніе отступило передъ свободной волей, пѣтушинный задоръ начальства распылился передъ смѣльчакомъ, сознающимъ свое право. Было отраднo сознаніе, что въ лицѣ этого парня наша человѣчность хоть отчасти получила защиту. Проводникъ свободно проходилъ по вагону, входилъ и выходилъ, дымя папирсой, и не обращалъ вниманія на ворчливыхъ „нянекъ“. Такъ и тянуло послѣдовать за нимъ, выйти на площадку, сбѣгать за кипяткомъ, но даже попытка перейти на сосѣднюю скамью обрывалось грознымъ:

— Сядь на мѣсто!

Оставалось только съ завистью взирать на храбраго выходца изъ свободного міра. Впрочемъ, мирный сонъ въ безопасности скоро покрылъ усталыя головы своей пеленою...

Въ Пензѣ предстояла смѣна конвоя въ вагонѣ. Связали вещи и съ любопытствомъ слѣдили за бѣготней тоже подготовившихся въ обратный путь солдатъ. Новые стражи не являлись, что и волновало старыхъ. Но вотъ поѣздъ тронулся дальше, всѣ станціонныя зданія медленно проползли мимо оконъ вагона, и снова открылся видъ на снѣговое поле.

— Ъдемъ дальше! — ликовали мы.

Но радость оказалась преждевременной. На разѣздѣ насъ высадили на полотно и уютные вагоны умчались дальше, провожаемые грустнымъ взоромъ и подавленнымъ вздохомъ. Ожесточенные же каторжане тихо кляли все и вся. Выяснилось, что Пензенскій конвой, не ожидая вѣнчечерной партіи, наслаждался въ банѣ. Предстояло знакомство съ новой тюрьмой, куда мы и поѣхали въ новомъ вагонѣ. Тамъ „милыхъ гостей“ тоже не ожидали, и у воротъ пришлось изрядно попрыгать на морозѣ, по примѣру уже опытныхъ солдатъ, пока дождались милостиваго приѣма. Конвойные весело обмѣнивались съ арестантами забористыми „любезностями“. Вѣдь нигдѣ, кажется, такъ не умѣютъ сквернословить, какъ у насъ на Руси!

Пройдя обычное чистилище приѣма и провѣрки, мы расположились въ небольшой камерѣ со сводами, сырой и холодной. Появился кипятокъ, который быстро переселился въ пустые желудки въ

содружествѣ со всякой снѣдью. А на подогрѣтое чрево всплывалъ и новый вопросъ:

— Долго ли придется зябнуть здѣсь?

Часа черезъ три прибыли чистенькіе, еще не остывшіе солдатики, вызвали насъ, исследовали и повели на станцію. По накатанному снѣгу праздная нарядная толпа сновала во всѣ стороны. Бабы шелкали сѣмячки, которымъ „липенны“ и прочіе узники, лихо заломивъ безкозырки, весело подмигивали и въ тактъ звенѣли цѣпями. Всѣ были довольны путешествіемъ.

Въ маленькихъ, старинныхъ, „допотопныхъ“, съ низкимъ потолкомъ, клѣтушкахъ мы размѣстились кое-какъ и, прицѣпленные къ товарному поѣзду, поползли къ Самарѣ съ долгими остановками на каждой станціи и безконечными маневрами: фхали „абы на ночь!“, не спѣша, ибо и нашъ календарь вѣдь отстаеетъ отъ заграничнаго на пѣлыхъ тринадцать сутокъ! Спать приходилось по — очереди на сумкахъ, которыми заполнили пространство между двумя скамьями.

Черезъ долгія томительныя сутки увидѣли Сызрань, родину трехъ мальчиковъ — добровольцевъ. Взволнованныя дѣти нетерпѣливо заглядывали въ окна, узнавали знакомыхъ, показывали то роковое мѣсто, гдѣ они тайно пробрались въ солдатскій поѣздъ.

— Задастъ мнѣ теперь батя березовой капи! — трунилъ одинъ изъ „юиновъ“ надъ собой.

— Ничего, больше терпѣли, меньше перенесемъ, — утѣшалъ другой.

Часа два мы катались бесплатно по какимъ-то запаснымъ путямъ взадъ-впередъ, а конвой за дѣтьми все не приходилъ. Снова оказалось неурочное время. Въ этапной хроникѣ такіе злосчастные странники встрѣчаются довольно часто. Нѣкій мужъ вспомнилъ, что такимъ порядкомъ его возили мимо назначеннаго мѣста разъ пять, пока ему посчастливилось сойти. Такой участи нынѣ подверглись и неразумные юнцы. И, смотря на удалявшійся родной очагъ, они навзрытъ плакали. Лишняя капля переполнила чашу горечи. Только черезъ недѣлю отошавшихъ героевъ возвратили домой, гдѣ состоялось примиреніе, орошенное слезами и омовеніе въ банѣ отъ этапной грязи и вшей.

Тягучее „плаваніе“ по рельсамъ необъятной страны становилось нуднымъ. Наша сторонка — великая неряха, привыкшая къ нечистоплотности, беспорядку, медлительности въ благоустроеніи, и быстра только на руку для пресѣченія и непущанія. Какъ не будетъ „разстройства транспорта“, нехватки вагоновъ, когда вотъ нашъ поѣздъ тянется трое сутокъ отъ Пензы до Самары, — обычный же пробѣгъ этого разстоянія двѣнадцать часовъ! „Малая скорость“ еще царствуетъ повсюду!

Наши бесѣды на различныя темы, чередовались пѣніемъ, конечно, съ согласія конвойныхъ. Направляемые въ неизвѣстность, мы утѣшались словами:

„Влеки къ Себѣ Ты мощно
И близко дай прильнуть,
Не дай и въ часъ полночный
Лѣною мнѣ уснуть.
Но дай чрезъ всѣ невзгоды,
Что встрѣчу я въ пути,
Во всѣ земные годы,
Мнѣ радостно идти!“

По мягкой, обильно усыпанной снѣгомъ, точно пухомъ, тропѣ, мимо церкви, чрезъ какую-то площадъ, поживаясь отъ предутренняго холода, мы быстро прошли къ жилищу самарскихъ отверженныхъ. Надъ городомъ витали чары укрѣпляющаго сна. Спали и наши многочисленные единовѣрцы,

которымъ мы мысленно послали братскій привѣтъ. Навстрѣчу попался санитарный ночной ооозъ съ пустыми бочками, да шли одинокие закутанные мастеровые, гонимые нуждой на заработокъ. Сверху падали хлопья затвердѣвшей холодной влаги, тысячекратно повторяюще свою прогулку на землю и по веснѣ обратно, въ лазурную высь.

Открылись и закрылись одни ворота, затѣмъ—другіе, далѣе третіе, наконецъ, четвертыя двери, за которыми оказался приемный покой. Надзиратель долго возился, пока наладилъ электричество. Пришелъ заспанный старшій, Иванъ Ивановичъ, и, громко зѣвая, лѣниво принялся за работу приема партій. Запомнивъ весь порядокъ опроса, нѣкоторые изъ вызываемыхъ залпомъ отвѣчали на всѣ, не дожидаясь вопроса.

— Такъ, проходи,—соглашался онъ, откладывая листъ.

— Ну и далеко же стала Самара,—разсказывалъ конвойный,—только на третью сутки добрались! Думали, что и не дождемъ...

— Могли бы проѣхать далѣе, намъ бы легче было, меньше возни,—гоготалъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, ужъ нельзя огорчать васъ, еще обидитесь за ооходъ...

Въ коридорѣ надзирательскія руки любезно привѣтствовали арестантскую собственность.

Самарскій теремъ содержалъ болѣе двухъ тысячъ „изъятыхъ изъ общенія“, по устройству не уступалъ Одесскому и, поглощая насъ на двѣ недѣли новыхъ переживаній, добавилъ еще одну главу къ этой повѣсти.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Михаилъ Тимошенко.

Грѣхъ, какъ зло встѣхъ золь въ этомъ мірѣ.

И. В. КАРГЕЛЯ.

IV.

Грѣхъ есть приобрѣтенная привычка.

Какъ обширно поле, захватываемое этой стороной грѣха,—почти невозможно обозрѣть! Никогда грѣхъ въ своемъ объемѣ не распространялся бы такъ далеко, никогда онъ въ своемъ количествѣ не былъ бы такимъ безчисленнымъ и въ своей силѣ такимъ непреодолимымъ, если бы во многихъ областяхъ онъ не превращался въ привычку. И только, превратившись въ привычку, онъ въ извѣстномъ смыслѣ получилъ существенныя права и сейчасъ же началъ проявлять свое полноправіе. И хотя не у всякаго человѣка какой-либо грѣхъ превратился въ привычку, но все же въ этомъ отношеніи елико-возможны грѣхъ отыскалъ среди людей свою жертву, которую и довелъ до бѣдственнаго положенія.

Прежде всего: „Что такое привычка? Привычка есть качество, посредствомъ котораго совершается какое-либо дѣло или дѣйствіе безъ всякаго затрудненія и понужденія, или же допускается производить таковое надъ собою. Какъ возникаетъ она?—На пути продолжающагося повторенія, пока дѣйствіе или дѣло не превратится въ своего рода потребность, которая потомъ уже сама по себѣ вызываетъ удовлетвореніе, и эта привившаяся потребность можетъ постепенно стать такой сильной, что понуждаетъ быть послушнымъ ей, и такимъ образомъ возникаетъ уже *сила привычки*. И какъ съ одной стороны, при постоянномъ повтореніи образуется сила, такъ съ другой стороны чрезъ нее же появляется ловкость или усовершенствованіе. Что вначалѣ производилось съ трудомъ и недостатками, чрезъ привычку вырабатывается легко и основательно“ (Голкинсъ). Если же мы, эти вышеобозначенные, опытные факты примѣнимъ къ совершенію грѣха и неправды, то какимъ уже тогда ужаснымъ качествомъ является привычка!

Св. Писаніе никогда не выпускаетъ изъ виду силу привычки по отношенію согрѣшенія и болѣе дѣлаетъ на него ударенія, чѣмъ можно это предполагать. Оно показываетъ намъ, какъ старость можетъ стать продуктомъ нашей юности, нашего воспитанія, когда говорить: „*Наставь юношу при началѣ пути его: онъ не уклонится отъ него, когда*

и состарѣется“ (Притч. Сол. 32, 6). Колеса нашего грѣховнаго поприща еще болѣе углубляются, если рано не будетъ оставлена, и чѣмъ долѣе наши колеса будутъ двигаться по ней, тѣмъ труднѣе будетъ оставить ее, наконецъ, даже и совсѣмъ невозможно, что Господь и желаетъ отмѣтить въ слѣдующихъ словахъ: „Можетъ ли Еѳіоплянинъ перемѣнить кожу свою и барсъ—пятна свои? такъ и вы можете ли дѣлать доброе, *привыкнувши дѣлать злое*“ (Іерем. 13, 24). Нужно замѣтить, что здѣсь неспособность дѣлать доброе приписывается не дарованію или таланту, не рожденію въ грѣхѣ, но *привычкѣ, которая стала второй природой*, какъ невозможно Еѳіоплянину измѣнить природную, черную кожу свою и барсу—пятна его. И объ Израиль, который ожесточался и все болѣе заблуждался въ своемъ отпаденіи отъ Господа и продолжалъ поэтому развиваться въ этомъ направленіи, Господь сказалъ однажды: „тогда сказалъ Я объ одряхлѣвшей въ прелюбодѣйствѣ: теперь кончатся блудодѣянія ея вмѣстѣ съ нею“ (Іезек. 23, 43). Какую тѣсную связь видитъ око Божіе здѣсь между привычкой и невозможностью оставить ее. И точно по этой причинѣ, находя нужнымъ удалить и Израиль, онъ назначаетъ ему наказаніе, подобное тому, какъ должны быть наказаны прелюбодѣйцы, которыхъ люди побьютъ камнями и изрубятъ ихъ мечами своими и убьютъ сыновей ихъ, и дома ихъ сожгутъ огнемъ (ст. 45—47). Такъ мельчайшій ручей грѣха въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи можетъ превратиться въ рѣку, а рѣка уже въ быстрый водопадъ, который увлечетъ за собою всякаго, кого онъ только захватитъ на своемъ пути, и сопротивленіе ему сдѣлаетъ совершенно невозможнымъ.

Весьма вѣроятно, что гораздо больше людей погибнетъ чрезъ ихъ привычныя грѣхи, чѣмъ чрезъ всѣ другіе, которые они совершили когда-либо однажды. Если они когда-либо пожелаютъ обратиться къ Господу, то возможно, что появятся одинъ, два или три грѣха, предъ которыми они задержатся съ боязливостью: они не пожелаютъ освободиться отъ нихъ, ибо привыкли къ нимъ, полюбили ихъ и поэтому не желаютъ бороться съ ними, и такимъ грѣхамъ привычки стоитъ только потуже затянуть свою петлю и они останутся въ концѣ побѣдителями. И въ то время, когда всѣ

другіе грѣхи уже положены на жертвенникъ, эти развиваются спокойно дальше и не позволяютъ человѣку никакой отдачи его сердца Христу иисусу. Точно такое же явленіе можетъ произойти и съ вѣрующимъ. Какой-либо отпрыскъ грѣха, давно-посаженный въ груди, будетъ ли это раздраженіе, любовь къ суетѣ, нѣжность къ собственному „я“, высокомеріе, приверженность ко лжи, жестокосердное сужденіе, или еще что-либо подобное, становится преградой, дѣлающей невозможнымъ освященіе сердца и жизни до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ терпимъ.

И какъ существуютъ привычныя грѣхи у отдѣльныхъ лицъ, такъ существуютъ таковыя и въ цѣлыхъ домахъ и у цѣлыхъ народовъ. Поэтому не напрасными оказались предупрежденія Божія Израилю, чтобы онъ **„не поступалъ по гнуснымъ обычаямъ“**, которые были предъ нимъ въ странѣ Ханаанской (Левит. 18, 30), ибо, если какой-либо грѣхъ и порокъ въ какой-либо семьѣ или среди одного народа перешелъ въ принятый обычай, то его уже тогда пьютъ, какъ воду, и никто не стыдится этого, а если кто еще проявляетъ угрызения совѣсти, то таковой становится для остальныхъ—предметомъ издѣвательствъ и насмѣшекъ. Поэтому прорывъ чрезъ него всегда является гигантскимъ дѣломъ, которое никогда нельзя совершить человѣческими силами. Чтобы удержать народъ Израильскій отъ подобныхъ грѣховъ привычки, Господь отдѣлилъ его отъ другихъ народовъ и въ *Своихъ заповѣдяхъ и уставахъ* даровалъ ему самыя великія обѣтованія благословеній для воспитанія его дѣтей. Пусть народъ Божій и теперь особенно замѣтитъ себѣ это по отношенію своихъ дѣтей!

Теперь это—фактъ, что всѣ мы рождаемся съ склонностью ко грѣху, но меньшей дѣйствительностью является также и то, что въ мірѣ мы приходимъ безъ выработанныхъ привычекъ; тогда какъ первое есть наше наслѣдіе, послѣднія уже являются прямымъ послѣдствіемъ нашего личнаго поведенія, нашихъ повторныхъ поступковъ, а часто также и нашего воспитанія. Склонность къ своему нраву рѣзко проявляется въ подросткѣ и даже уже въ грудномъ ребенкѣ; но многое зависитъ отъ насъ, родителей, допустимъ ли мы оному пороку развиться въ немъ въ грѣхъ привычки, позволимъ ли мы ему разрастаться или нѣтъ, или же еще окажемъ ему и поддержку. Такъ, въ насъ можетъ появиться склонность къ высокомерию, легкомысленной жизни, неправдѣ, обжорству, распутству и т. д. и все будетъ зависеть отъ того, какъ мы отнесемся къ этому предрасположенію. Первый прорывъ, первое дозволеніе можетъ повлечь за собой второе, третье и т. д.; плотина прорвана и стремительный потокъ унесетъ насъ съ собой. Именно въ этомъ пунктѣ было возможно даже Каину остановиться, какъ это ему и указывалъ Господь, когда говорилъ: „у дверей грѣхъ лежитъ; онъ влечетъ тебя къ себѣ, *но ты господствуй надъ нимъ*“ (Быт. 4, 7). Поэтому какъ тщетно и безразсудно въ этомъ случаѣ обвинять нашихъ родителей или прародителей, что мы стали такими или такими, или даже обвинять самого Бога въ томъ (что ожесточенные грѣшники дѣлаютъ весьма охотно), что Онъ, якобы создалъ насъ таковыми; кровь наша на головѣ нашей, ибо мы сами открыли грѣху свои двери.

И теперь весьма важно установить разницу между склонностью къ грѣху и привычкой дѣлать его; и это особенно важно тогда, когда появляется серьезное побужденіе силою Божіею порвать съ силой привычки. Ибо привычка милостью Божіею можетъ быть сокрушена на мѣстѣ, тогда какъ на-

клонность или расположеніе можетъ еще долго оставаться у насъ. Многіе, незамѣчающіе этой разницы или совсѣмъ невидящіе ея, часто смѣшиваютъ свою привычку съ склонностью или перво-причиной грѣха, и какъ послѣдованія снова и снова проявляютъ себя, то таковыя ложно мнятъ о себѣ, что они еще находятся въ рабствѣ и поэтому впадаютъ въ безнадежность, когда-либо освободиться отъ нихъ.

Все, видимое нами до сихъ поръ въ грѣхѣ, какъ привычку, уже дѣлаетъ его для насъ отвратительнымъ, но въ этомъ направленіи онъ достигаетъ еще болѣе глубокой и поэтому отверженной степени, *когда пробужденныя пожеланія соединяются съ привычкой и вмѣстѣ идутъ рука въ руку, а въ заключеніе къ нимъ присоединяется или имъ подчиняется и воля*. Весьма убѣдительно доказываетъ это Корпентеръ въ своей „Mental Physiology“. Онъ говоритъ: „Если злое теченіе привычки возрастаетъ съ ростомъ индивида, или если хотя бы одной злой склонности будетъ разрѣшено превратиться въ привычный источникъ поступковъ, тогда потребуются гораздо сильнѣйшія напряженія воли, чтобы повернуть образъ дѣйствія въ противоположность имъ, т. е. склонности и привычки. Происходитъ это особенно тогда, если идея привычки обладаетъ возбуждающимъ свойствомъ и становится источникомъ пожеланій, ибо чѣмъ чаще угождать имъ, тѣмъ сильнѣе появится побужденіе, которое онѣ обнаруживаютъ. И личность можетъ чрезъ нихъ подконецъ стать такой подчиненной, что едва ли въ ней останется какая-либо сила сопротивленія; чрезъ привычку уступать воля становится разслабленной, тогда какъ чрезъ привычку дѣйствовать на нее пожеланія приобрѣтаютъ силу“. Это истинное и ясное представленіе весьма опредѣленно указываетъ намъ, что происходитъ съ нашими обычно дремлющими пожеланіями, если они, вмѣсто того, чтобы при пробужденіи быть распятыми,—удовлетворяются до тѣхъ поръ, пока не превращаются въ привычку; они какъ-разъ превращаются въ страсть, которая, по выраженію Мартензена въ его „Христіанской этикѣ“: „какъ духовные, такъ и тѣлесные органы употребляетъ на служеніе грѣху“, Гопкинсъ объясняетъ далѣе: „Отъ соединенія привычки со страстію появляется *порокъ*, который дѣлаетъ человѣка рабомъ какого-нибудь особаго грѣха. На языкѣ обыденной жизни человѣкъ привыкъ лишь тѣ грѣхи называть порокомъ, которые безчестятъ человѣка въ глазахъ міра, какъ-то пьянство, воровство, развратъ и тому подобныя; равно, какъ и подъ безупречнымъ и безпорочнымъ поведеніемъ вообще понимаютъ лишь то, если у кого на одеждѣ его гражданской праведности не показывается никакого пятна“.

И весьма правдиво объ этомъ выражается далѣе Мартензенъ, когда говоритъ: „Все же почему мы не обладаемъ свободой, всякій грѣхъ обозначить порокомъ, который такую власть приобрѣлъ надъ человѣкомъ, что онъ становится его плѣнникомъ? Почему именно высокомеріе, зависть, злобу, клевету, жестокость не должно назвать порокомъ, если онѣ достигли такого могущества, что человѣкъ совершенно лишился своей свободы“. И мы можемъ свободно присовокупить къ этому, что не только обладаемъ для этого свободой, но что всякій грѣхъ, распространившійся такъ далеко, должно, согласно волѣ Божіей, обозначить этимъ правдивымъ наименованіемъ; ибо если мы въ этомъ отношеніи справимся въ словѣ Господа, то повсюду найдемъ эти вышеуказанные, такъ называемые,

„мелкіе грѣшки“, которые въ мірѣ не считаются порокомъ, что они именно находятся въ одномъ от-
дѣлѣ и разрядѣ съ тѣми грѣхами, которые міромъ
отмѣчены, какъ порочные. Потрудись, мой другъ,
и въ этомъ направленіи, открывай и изслѣдуй
слѣдующія мѣста Св. Писанія: Матѣ. 15, 19; 1-а
лат. 5, 19-21, Колос. 3, 5-9 и т. д. Не правда ли,
насколько больше порочныхъ людей находили бы
мы на основаніи Божьяго сужденія, чѣмъ это во-
обще принято думать!

Мы также спросимъ здѣсь: существуетъ ли спа-
сенеіе отъ грѣха, какъ привычки, отъ пожеланій,
превратившихся въ страсть, отъ соединеннаго изъ
страсти и поработенной воли т. е. отъ порока?
Что касается насъ и другихъ, мы, конечно, стоимъ
предъ этой ужасной силой совершенно безпомощ-
ными. Но Тотъ, Который пришелъ разрушить дѣла
дьявола, Тотъ, Который спасъ насъ отъ власти тьмы
и всякой неправды (Кол. 1, 13; Іоан. 3, 8; Тит. 2, 14),
въ своей программѣ спасенія нашего имѣлъ также
въ виду и это рабство, и Онъ силенъ разбить всякія
оковы и уже разрушилъ ихъ. Все зависитъ только
отъ того, желаетъ ли бѣдный рабъ дѣйствительно
освободиться отъ своего рабства, и затѣмъ,—призна-
етъ ли онъ уничтоженіе такового со дня смерти
Христа, и входитъ ли, съ полнымъ упованіемъ
на своего Спасителя, въ уготованное освобожденіе
отъ своей привычки, своей страсти или своего по-
рока? Я не говорю: желаетъ ли онъ войти, но:
входитъ ли онъ дѣйствительно върою. Безконечно
важно при этомъ твердо имѣть въ виду, чтобы
онъ не вздумалъ только пробовать, какъ выйти
изъ своего рабства, подобно тому, какъ онъ во-
шелъ въ него, т. е. медленно или постепенно, стре-
мясь отвыкнуть отъ грѣха, къ которому онъ при-
выкъ. Такъ никто не освободится, хотя бы онъ
дожилъ и до старости Меѳусаила, ибо даже самая
малозначущая связь съ привязанной и лелѣянной
до того времени привычкой, хотя бы она была
такъ тонка, какъ шелковая нитка, уже заключаетъ
въ себѣ опасность во всякій моментъ снова пре-
вратиться въ бывшія толстыя путы, которыя бу-
дутъ держать уже крѣпче, чѣмъ прежде. Поэтому
нужно только, будучи заключеннымъ и сокрытымъ
во Христѣ, совершенно отдѣлиться отъ зла, даже до
мыслей о немъ, ибо эти послѣднія почти въ ка-
ждомъ случаѣ являются соединительнымъ звеномъ.
Послушаемъ, какъ Апостоль учить освобожденію отъ
грѣха чрезъ Св. Духа: „Посему, отвергнувши ложь,
говорите истину, каждый ближнему своему“; онъ
не говоритъ: кто лжетъ, тотъ говори ложь съ каж-
дымъ днемъ все меньше, пока не отвыкнетъ отъ
нея, какъ привыкъ къ ней. „Кто красть“, говоритъ
Апостоль (не говоритъ: кради съ каждымъ днемъ
меньше, но), впредь не кради“. И не говоритъ
также: кто занимался пустословіемъ, болтовней и
сплетнями, тотъ дѣлай это съ каждымъ разомъ
меньше, но: „никакое гнилое слово да не исходитъ
изъ устъ вашихъ, а только доброе для назиданія
въ вѣрѣ, дабы оно доставляло благодать слуша-
ющимъ“ (Ефес. 4, 25-29). Замѣтимъ, что Апостоль
говоритъ почти только о грѣхахъ привычки. Хри-
стосъ, вселившись върою въ сердца наши (Ефес.
3, 12), освободилъ насъ отъ всякаго грѣха при-
вычки, но требуется устоять въ этой свободѣ и
дѣйствовать въ ней по вѣрѣ, просто свергая съ
себя всякій грѣхъ, какъ сбрасывается платье
или старая одежда, какъ мы уже и читали объ этомъ.

Еще разъ: никто изъ моихъ любезныхъ друзей
да не испугается, если они во имя Господа по-
ступили такъ съ своими привычными грѣхами и
все-таки потомъ открыли снова, что наклонность

къ грѣху еще находится въ нихъ. Наклонность,
или похоть, или пожеланіе, окрѣпшее въ насъ по
истеченіи многихъ лѣтъ и многочисленныхъ доз-
воленій и побужденій, не прекратитъ своихъ иску-
шеній; но искушеніе не есть еще грѣхъ, пока
остаются для него закрытыми двери, въ которыя
онъ стучитъ; ибо только зачатая похоть рождаетъ
грѣхъ (Іаков. 1, 15). Но только научись умѣло раз-
личать: зачатіе похоти не состоитъ ни въ совер-
шеніи дѣла, также ни въ приверженности или
побужденіи къ таковому, но какъ однажды было
съ Евою: въ выслушиваніи, соглашеніи, переговорахъ,
разсмотрѣніи и въ услажденіи предложеннымъ на-
шей наклонности предметомъ, что все можетъ
происходить только въ мысляхъ; поэтому устрани
всякую мысль и Христомъ распни расположеніе,
какъ только они приблизятся къ тебѣ, и вина за
возбужденіе твоей похоти такъ же мало вмѣнится
тебѣ, какъ нельзя вмѣнить вины твоему слугѣ
при повторныхъ стукахъ разбойника въ дверь
твоего дома, если этотъ слуга не открывалъ ему
дверей и не входилъ съ нимъ ни въ какія отно-
шенія. Скажи твоей плоти, что ты не должникъ
ей, но умерщвляешь и ненавидишь ея пожеланія
(Рим. 8, 12, 13) и считаешь себя мертвымъ для
грѣха (Рим. 6, 11). Тогда ты постоянно будешь
побуждать во Христѣ.

Если мы еще съ новой стороны посмотримъ на
грѣхъ, чтобы узнать, чѣмъ онъ является, то от-
вѣтъ долженъ гласить такъ: *грѣхъ есть деспоти-
ческая власть.*

(Продолженіе слѣдуетъ)

И. В. Каргель.

По Россіи.

Россія-Республика.

(Отъ временнаго Правительства.)

Мятежъ генерала Корнилова подавленъ, но ве-
лика смута, внесенная имъ въ ряды арміи и въ
страну, и снова велика опасность, угрожающая
судьбѣ родины и ея свободѣ. Считаю нужнымъ
положить предѣлъ внѣшней неопредѣленности
государственного строя, памятуя единодушное и
восторженное признаніе республиканской идеи,
которое сказалося на Московскомъ государствен-
номъ совѣщаніи, временное правительство объ-
являетъ, что государственный порядокъ, которымъ
управляется Россійское государство, есть порядокъ
республиканскій, и провозглашаетъ Россійскую
республику.

Срочная необходимость принятія немедленныхъ
и рѣшительныхъ мѣръ для возстановленія потре-
сеннаго государственнаго порядка побудила времен-
ное правительство передать полноту своей власти по
управленію пяти лицамъ изъ его состава, во главѣ
съ министромъ-предсѣдателемъ. Временное пра-
вительство своею главною задачею считаетъ
возстановленіе государственнаго порядка и боеспо-
собности арміи. Убѣжденное, что только сосре-
доченіе всѣхъ живыхъ силъ страны можетъ вывести
родину изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ
она находится, временное правительство будетъ
стремиться къ расширенію своего состава путемъ
привлеченія въ свои ряды представителей всѣхъ
тѣхъ элементовъ, кто вѣчные и общіе интересы

родины ставить выше временных и частных интересов отдельных партий или классов. Временное правительство не сомневается в том, что эта задача будет им исполнена в течение ближайших дней.

Министр-председатель А. Керенский, министр юстиции А. Зарудный
1-го сентября 1917 года.

Къ братьямъ Евреямъ Евангелистамъ.

*„Вотъ я отворилъ передъ тобою
оверъ, и никто не можетъ затво-
рить ее. ты не много имѣешь си-
лы и сохранилъ слово Мое и не от-
рекся имени Моего“ (Откр. 3, 8-9).*

Да, хвала и благодареніе Господу за свободу, которую Онъ намъ даровалъ. Теперь и мы, какъ евреи, увѣровавшіе въ обѣтованнаго намъ черезъ пророковъ Мессію Спасителя Христа Сына Божія, умершаго, какъ Агнецъ Божій, за наши грѣхи, воскресшаго для нашего оправданія и грядущаго въ славу Своею, которымъ есть Спаситель и Искупитель всего міра—можемъ свободно, безпрепятственно исповѣдывать нашу евангельскую вѣру и свидѣтельствовать о Немъ открыто передъ нашимъ несчастнымъ заблудшимъ народомъ Израильскимъ.

Это есть не только долгъ послушанія заповѣдямъ нашего возлюбленнаго Спасителя, но и жизненная потребность каждаго искренно вѣрующаго, который, оудучи спасенъ самъ, хочетъ возвѣстить и другимъ дивное, единое, совершенное, вѣчное спасеніе во Христѣ Исусѣ.

Многіе изъ нашихъ вѣрующихъ братьевъ, живущіе въ разныхъ мѣстахъ, чувствуя эту потребность и сознавая свой долгъ передъ Господомъ по отношенію къ своимъ едино-, племенникамъ, начали болѣе открыто свидѣтельствовать передъ ними, олаговѣствуя имъ евангелие, которое есть сила ко спасенію всякаго вѣрующаго, во-первыхъ, Іудей потомъ и Эллина (Рим. 1, 16). Но вскорѣ имъ пришлось уѣдѣться въ томъ, что для этого дѣла нуженъ опытъ и руководство; многие оорачались къ намъ за совѣтомъ по этому вопросу.

Далѣе замѣчается другое явленіе, которое слѣдуетъ при- вѣтствовать: тамъ, гдѣ есть цѣлыя группы евангельскихъ христіанъ изъ Евреевъ, среди нихъ чувствуется потребность сплотиться и ообединиться въ одно цѣлое, какъ отдельную христіанскую ообщину евангельскихъ христіанъ изъ Евреевъ или просто въ Ообщину Евреевъ-Евангелистовъ.

То и другое побудило насъ съ согласія съ мѣстной Общиной Евреевъ-Евангелистовъ пойти навстрѣчу этимъ нуждамъ путемъ созыва съезда вѣрующихъ братьевъ Израиль- тинъ для совместнаго оосужденія и всесторонняго разсмотрѣнія тѣхъ и другихъ вопросовъ, касающихся разбѣянныхъ повсюду вѣрующихъ изъ Евреевъ въ отдаленности, а также ообразовавшихся уже группъ вѣрующихъ.

Есть много назрѣвшихъ уже вопросовъ относительно духовнаго возростанія увѣровавшихъ и касательно работы среди невѣрующихъ братьевъ по плоти; разрѣшеніе этихъ вопросовъ возможно только путемъ общаго всесторонняго ообсужденія на съездѣ.

Такъ какъ дѣло олаговѣстія, благодаря дарованной намъ свободѣ, будетъ съ Божьей помощью все оольше развиваться среди Израиля, то можно ожидать появленія болѣе широкой потребности въ организации и устройствѣ самостоятельныхъ Общинъ Евреевъ-Евангелистовъ.

Очень существенно было-бы ообсудить этотъ вопросъ со всей необходимой оосмотрительностью и предвидѣнемъ оуду- щихъ нуждъ.

Чтобы предупредить возможность развигія разныхъ тол- ковъ и заблуждений среди Евреевъ вѣрующихъ, познавшихъ Евангельскую истину, и чтобы сохранить единство Духа въ

союзѣ міра со всѣми вѣрующими вообще, дабы не хули- лось имя Господне, слѣдуетъ старшимъ испытаннымъ, опыт- нымъ братьямъ сплотиться и ообразовать совѣщательный центръ для регулированія всѣхъ могущихъ возникнуть во- просовъ касательно взаимной повсемѣстной и цѣлесообраз- ной работы среди Евреевъ.

Мы уже знаемъ, что такіа самостоятельныя общины Евреевъ-Евангелистовъ встрѣчаютъ полное сочувствіе со стороны другихъ вѣрующихъ общинъ въ Россіи.

Мы рѣшили, если на то будетъ воля Божія и общія усло- вія войны не будутъ препятствовать, пригласить вѣрующихъ братьевъ изъ Евреевъ, сочувствующихъ дѣлу распростра- ненія Евангелія среди нашего народа, на совѣщаніе въ Одессу, которое состоится съ 5-9 октября сего года въ помѣщеніи Евангелической Мильдмейской миссіи среди Евреевъ (Куз- нечная, 23).

Желающихъ пріѣхать просимъ заблаговременно заявить о своемъ желаніи и запастись удостовѣреніемъ Общины, въ которой они состоятъ членами.

Существующіе кружки могутъ прислать двухъ—трехъ де- легатовъ.

Съ заявленіемъ просимъ ообращаться по адресу пропо- вѣдника Леона Лазаревича Розенберга (Одесса, Дегтярная, 19).

Съ братскимъ привѣтомъ по порученію Общины.

Л. Розенбергъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

— Увѣдомляемъ всѣхъ вѣрующихъ, трудящихся надъ тща- тельнымъ изслѣдованіемъ Библии, что отдѣлъ „Объясненіе трудныхъ мѣстъ св. Писанія“ порученъ проповѣднику В. Г. Павлову. Предлагаемъ братьямъ присылать въ редакцію свои запросы, относящіеся къ непонятнымъ для нихъ частямъ Би- блии. По мѣрѣ возможности, всѣ отвѣты будутъ помѣщаться въ журналъ „Слово Истины“.

— Нѣкоторые братья спрашивали насъ, участвуютъ ли въ журналѣ „Слово Истины“ только тѣ сотрудники, имена кото- рыхъ помѣщены въ объявленіи или могутъ участвовать и дру- гіе? Отвѣчаемъ: мы оохотно принимаемъ въ нашу семью всѣхъ сотрудниковъ, могущихъ своимъ трудомъ содѣйствовать процвѣ- танію журнала. Право сужденія о присылаемыхъ статьяхъ оста- вляемъ за собой. Особенно же просимъ всѣхъ проповѣдниковъ, представителей кружковъ молодежи и др. присылать намъ со- ообщенія о развитіи дѣла Божія на мѣстахъ, которыя и послу- жатъ матеріаломъ для ообзоровъ въ отдѣлѣ „по Россіи“.

— П. А. Кособрюхову. Радуетъ вашему искреннему по- рыву къ свѣтлому и глубокому общенію съ Господомъ и вѣрующими. Вы пишете: „Ахъ сожалѣнію я мало бываю на собраніяхъ вѣрующихъ, но много вынесъ впечатлѣній для себя. Я слышалъ, говорятъ: если человекъ вкусить слад- каго—не захочетъ горькаго. Такъ и у меня до сихъ поръ на сердцѣ лежитъ камень, которымъ я придавленъ. И хорошо бы было для меня встрѣтить тотъ цѣлебный свѣтъ, который изливается на вѣрующихъ благодатною силою въ имя Го- сподне!“ Будемъ рады услышать, что свѣтъ свыше оосвѣтилъ ваше сердце. Въ помощь вашимъ исканіямъ посылаемъ жур. „Сл. Истины“.

Принимается подписка на 1917 годъ

на журналъ духовнаго пробужденія и оосвященія

„ГОСТЬ“

Цѣна въ годъ съ 1917 года—3 р. 50 к.

Адресъ: Петроградъ, Вас. Остр., 24 лин., 11. Въ контору журнала „ГОСТЬ“. Редакторъ-издатель И. В. Непрашъ.

Издатель П. В. Павловъ. Типографія И-ва „Слово Истины“, Моховая, д. 28. Отвѣтственный редакторъ М. Д. Тимошенко.
Редакторъ В. Г. Павловъ.